

Яқов Верховеқий
Валентина Тўрмоє

«Город
Антонеску»
Книга II

Яков Верховский
Город Антонеску. Книга 2

«ОМІКО»

2017

УДК 821.161.1(569.4)

ББК 84(5Изр=Рус)

Верховский Я.

Город Антонеску. Книга 2 / Я. Верховский — «ОМКО», 2017

«Город Антонеску» – главная книга жизни авторов, ведь история двух еврейских семей – это, по большому счету, трагическая, страшная история всех евреев Одессы. Хронологическое изложение событий перебивают наивные, порой смешные рассказы детей. Более 900 дней и ночей провели они в «Городе Антонеску», в эпицентре Ужаса, под постоянным страхом смерти. Быть евреем тогда в Одессе означало одно – смерть. Она могла появиться в любом обличье – в виде расстрела, в виде голода, в виде вражеского солдата, ну или в виде дворника, ранее снимавшего перед тобой шапку, или в виде бывшего соседа, делившего с тобой коммуналку... Но было и спасение – от совсем не знакомых прежде людей, рискующих не только своей жизнью, но и жизнью своих детей...

УДК 821.161.1(569.4)

ББК 84(5Изр=Рус)

© Верховский Я., 2017

© ОМКО, 2017

Содержание

Действие восьмое: Евреи шли...	5
Антракт, которого не было	5
«Сбрось их в Черное море!»	7
Списки «оставшихся в живых»	9
Неопубликованный приказ	13
Приказ № 7	16
Одна слабая женщина...	20
От Янкале: В никуда...	23
От Фанички: Смерть Цици	25
«Воны жыды хрэщени!..»	26
От Янкале: Поддельный паспорт	29
От Янкале: Кляйн-Либенталь	31
От Ролли: «Янкале, не крутись!»	32
От Янкале: «Ваш паспорт поддельный!»	34
От Фанички: «Землячка»	35
От Янкале: «Она жидовка!»	36
От Янкале: «Фриг, бабушка?»	37
«Отче наш»	39
Действие девятое: «TRENUL-DRİK»	42
Декларация Объединенных Наций	42
День первый – день последний	45
Живые и мертвые	48
Мертвые станут пеплом	50
Подробности ужасны...	52
«Гулять» в гетто	53
От Ролли: Кашей Бессмертный	54
Конец одесского «гетто»	56
Большая охота	60
Живые пойдут дальше	63
Кровавый итог	66
Последействие: Ты мое Эхо...	67
Событие первое: Ревизор из «Ванзее»	68
От Ролли: Развалка кончилась	72
От Ролли: Листок из молитвенника	73
От Ролли: Так я стала «ВАЛЯ»	74
Событие второе: «Христос воскрес!»	76
От Янкале: Тетя Нина	80
От Янкале: Сидоровна	81
От Янкале: Пасхальная ночь	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Яков Верховский, Валентина Тырмос «Город Антонеску»: в 2-х книгах. Книга 2

Действие восьмое: Евреи шли...

*Зима. Январь. Мороз трескучий.
Сугробы снежные вокруг.
И, окруженные конвоем,
Скрываясь в меркнувшей дали,
Евреи длинной чередой
Как смертники на плаху шли...*

Лев Рожецкий, узник Доманевки, ученик 8 класса школы № 47

Антракт, которого не было

11 января 1942 года, суббота 87-й день трагедии евреев Одессы

Ну, вот и закончился «антракт», прозвенел последний звонок, поднялся занавес, и началось еще одно действие трагедии евреев Одессы.

Этот так называемый антракт продолжался около двух с половиной месяцев – с 3 ноября прошлого года, когда евреям как будто бы была объявлена «амнистия» – Тюремный замок очистили от «баб и жиденят» и заполнили «жидами-мужчинами».

Все это время оставшихся в живых евреев вроде бы не трогали, и они схоронились в своих разграбленных квартирах или в других, таких же «надежных» укрытиях. Конечно, боялись каждого шороха, конечно, голодали, конечно, старались не появляться на улицах с пришитой к одежде желтой звездой Давида...

Теперь «антракт» окончен.

Прозвенел звонок, и поднялся занавес.

На сцене скованный 20-градусным морозом город.

Не слышно обычного городского шума, звонков трамваев, гудков машин. На улицах нет прохожих, и даже дым не валит из печных труб...

Антракт окончен...

Но был ли он, этот антракт?

Да нет, конечно нет – никакого антракта не было.

Румынские власти систематически день за днем продолжали проводить «очистку». И хотя массовые акции уничтожения, типа бойни на Дальнике, не проводились, люди по-прежнему гибли. Жандармы вылавливали мужчин, якобы не явившихся на регистрацию, хватали женщин, предъявляя им обвинения в сокрытии национальности, в подделке документов или даже в хранении оружия. Короче, использовали любой, даже самый абсурдный, предлог для ареста¹.

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮЛЛЕТЕНЯ

---

¹ Здесь и далее тексты румынских документов даны по материалам, приведенным в книге: *Carp Mamamias CARTEA NEAGRA. Bucuresti, 1947.*

Преторская служба Одессы, 3 января 1942 г.

*Арестована еврейка Беснов Евгения, 37 лет, проживающая по улице Первая Степовая, дом № 1, за то, что сфальсифицировала удостоверение личности, чтобы скрыть этническую принадлежность. Направлена в Куртя-Марциалэ.

*Арестованы еврейки Рая Кац, 36 лет, Вера Кац, 17 лет и Похач Мария, 19 лет, проживающие по улице Московская, 40, за то, что публично выражали ненависть к Румынской армии и, не подчинившись приказу № 11 от 16. X-41, хранили оружие и боеприпасы. Направлены в Куртя-Марциалэ.

*Арестован еврей Розенберг Илья, 30 лет, проживающий по улице Московская, 83, поскольку присвоил себе имя Биши, вводя в заблуждение немецкие и румынские власти, и уклонялся от явки в Центральную тюрьму.

Вышеназванный находится под следствием.

Претор, подполковник М. Никулеску

Арестованных обычно отправляли в Тюремный замок, что как будто бы не грозило немедленной смертью и считалось «счастьем». Но часть из них попадала в гораздо более страшное «учреждение»: в Военный Трибунал – «Куртя-Марциалэ», откуда дорога уже была одна...

«Куртя-Марциалэ» стал зловещим символом «Города Антонеску» и сыграл роковую роль в судьбе его жителей-евреев².

«Куртя-Марциалэ» сыграл роковую роль и в судьбе Ролли – ведь она была единственным ребенком, прошедшем более пяти месяцев в его застенках.

К долгим дням пребывания Ролли в Куртя нам еще придется вернуться.

Ну, а пока скажем только, что кровавые вердикты Румынского Военного Трибунала обычно публиковались в «Одесской газете» и немало способствовали тому, что местное население становилось помощником оккупантов. Доносы на схоронившихся по разным щелям евреев шли потоком.

Но ни доносы, ни достаточно случайные аресты не могли решить проблему полной «очистки». В Одессе сложилась особая ситуация, отличная от той, с которой румыны сталкивались в захваченных ими ранее городах и местечках Бессарабии и Буковины. Одесские евреи, как мы уже говорили, не жили кучно, в одном «еврейском районе», а были рассредоточены по всему городу и затеряны среди нееврейского населения, не отличаясь от этого населения ни внешним видом, ни языком, ни поведением.

Как можно «очистить» от «этих жидов» город, когда не знаешь, где они прячутся и сколько их вообще осталось?

Не объявлять же еще одну, третью по счету, регистрацию паспортов?!

Да вряд ли на эту «регистрацию» теперь кто-нибудь явится...

Так что «антракт» в уничтожении евреев Одессы был, конечно, вынужденным и связан с чисто «техническими трудностями».

---

² Здесь и далее все сведения о «Куртя-Марциалэ» являются личными воспоминаниями Валентины Тырмос, проведенной в стенах этой тюрьмы более пяти месяцев 1942–1943 годов.

«Сбрось их в Черное море!»

Неразрешимый «еврейский вопрос Одессы» раздражал Антонеску и непрерывно муссировался в Бухаресте на заседаниях Совета Министров.

Какая честь для нас, право, для двух еврейских детей – Янкале и Ролли, затерянных где-то в развалинах Одессы, что наша судьба волнует Совет Министров Румынского государства!

Вот и сегодня, в четверг, 11 декабря 1941-го, проходит очередное заседание Совета Министров и снова рассматривается «еврейский вопрос Одессы».

К этому заседанию губернатор Транснистрии Александру подготовил специальную объяснительную записку, где подробнейшим образом... на 50 листах!.. изложил свое видение проблемы.

Губернатор считает, что жидов следует выбросить из города!

Депортировать, как их родственников, в Транснистрию.

Напомним, что это заседание Совета Министров проходило 11 декабря, в те дни, когда за колючей проволокой Богдановского свиновхоза умирали уже от тифа и голода более 50 тысяч пригнанных из Одессы евреев.

И что Александру сейчас предлагает?

Депортировать к Бугу еще одну партию евреев?

Антонеску возмущен.

Ну, не дурак ли этот, с позволения сказать, «губернатор»?

Он что, не понимает, что это усложнит отношения с немцами, которые и так в последнее время не ахти...

«Красная Собака» обвиняет Александру в том, что тот просто «не хочет» решать проблему «очистки» Одессы. Не хочет, и все...

Александру пытается оправдаться: *«Нет, почему же... Многие убиты, многие повешены на улицах...»*

Слова об убитых и повешенных, как видно, успокоили Антонеску.

«Вот так и действуйте!» – рычит он. – Так и нужно действовать, потому что я отвечаю перед Историей... Мы не имеем права проявлять к жидам мягкотелость, потому что они тоже не сжалились бы над нами. Ни надо мной, ни над тобой и ни над вами... Не думайте, что они не отомстят, если у них появится такая возможность. И для того, чтобы некому было мстить, я просто их всех уничтожу...»³

История, конечно, историей, честь ей, как говорится, и хвала, но никакого конкретного решения по поводу одесских евреев в тот день Совет Министров так и не принял.

Прошло четыре дня.

И снова – заседание Совета Министров, и та же повестка дня.

На сей раз заседание особенно представительное. Кроме министров на нем присутствуют и их заместители и даже глава SSI генерал Кристеску.

Трудно сказать, что произошло за четыре дня, минувших между этими заседаниями, только сегодня Антонеску настроен еще более свирепо. Сегодня ему уже безразлично, что сотворит Александру с одесскими жидами: расстреляет, повесит, депортирует к черту – «la dgasu».

Лишь бы их не было в городе! Не было в природе!

Лишь бы НАС не было в природе!

³ Ance! Jean. Transnistria. Bucuresti: ATLAS, 1987.

«Ничего не хочу знать, – рычит «Красная Собака». – Загони их всех в катакомбы – «in catacomb»! Сбрось их в Черное море – «in Marea Neagra»! С моей точки зрения, они просто могут сдохнуть! Пусть сдохнет сотня, пусть сдохнет тысяча, пусть сдохнут все...»

[Стенограмма заседания Совета Министров Румынии, 16 декабря 1941-го. Архив Министерства внутренних дел, папка 400/10, том 78.]

Евреев Одессы ожидает депортация...

Но это только так говорится: «депортация». Все присутствующие на заседании: и министры, и их заместители, и глава SSI генерал Кристеску, прекрасно понимают, что истинный смысл этого слова: «смерть!».

Евреев Одессы вначале выгонят в Транснистрию, к Бугу, а затем всех тех, кто останется в живых, перегонят через Буг, в Рейхскомиссариат «Украина», и...

И «еврейский вопрос Одессы» будет закрыт.

Так что приговор, фактически, подписан и осталось только уточнить детали: сколько всего их осталось, этих жидов, где они схоронились и как выкурить их оттуда...

Списки «оставшихся в живых»

Еще в ноябре 1941-го, в процессе вынужденного «антракта», Александру стал делать попытки выяснить число оставшихся в живых евреев.

Во-первых, этого требовал от него Антонеску, а во-вторых – самому любопытно!

С этой благой целью даже была проведена некоторая импровизированная перепись населения.

Нет-нет, конечно, румыны в те дни не имели ни знаний, ни опыта для проведения «настоящей» переписи, не обладали они и современной американской техникой IBM, которую с таким «успехом» использовали нацисты в Европе⁴.

Зато к их услугам были... дворники.

О, конечно, знаменитые одесские дворники!

Многие из них были лично заинтересованы в скорейшем выдворении евреев из их «шикарных квартир», наполненных «мебелями», «малированными кастрюлями» и пуховыми подушками.

Дворники подготовили списки «оставшихся в живых», но, видимо, несколько перестарались...

В этих списках оказалось более 100 тысяч человек!

Сказывалось, наверное, неодолимое желание обладать «малированными кастрюлями», и кроме евреев в списки попало значительное число людей других национальностей.

Александру не поверил дворникам – уж очень нереальными показались ему эти 100 тысяч. Нужно было искать другое решение, и вскоре оно было найдено.

Не иначе как «милый молодой человек», гауптштурмфюрер Рихтер подсказал.

Да в чем проблема? Создавайте юденрат!

Что собой представлял рекомендуемый Рихтером юденрат и каковы должны были быть его обязанности, вы, конечно, уже знаете.

Ну, вот теперь и в Одессе будет юденрат.

И даже не один, а несколько – в каждом районе свой.

Организация этих юденратов, называемых здесь «еврейскими комитетами», проводилась местными румынскими властями, власти же выделили им помещения и снабдили всякими необходимыми документами.

Об одесских еврейских комитетах почти ничего не известно.

Мельком о них упоминает профессор Саул Боровой⁵.

Мельком – Ляня Сушон, мать которого Фредерика, врач Еврейской больницы, была членом одного из таких комитетов, помещавшегося в здании Медицинского института на Херсонской.

Сушон: «Там... возник своеобразный «штаб» для помощи евреям, для их лечения, снабжения продуктами и просто для учета – составления списка оставшихся...»⁶

Трудно, правда, представить, что еврейский комитет, в работе которого принимала участие доктор Сушон, в эти страшные дни в Одессе занимался «лечением евреев и снабжением их продуктами».

Во всяком случае, мы об этом не слышали.

А вот «учет» – составление «списка оставшихся в живых» – это другое дело!

---

⁴ Верховский Яков, Тырмос Валентина. Жизнь, поставленная на перфокарту. Израиль, 2009.

⁵ Боровой С. Я. Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации // Историчні зошити. К. № 4, 1991.

⁶ Сушон Леонид. Транснистрия: евреи в аду. Одесса, 1998.

О «списке оставшихся в живых» вспоминает еще один одессит – Иосиф Каплер. Юрист по образованию, Каплер был когда-то, в начале века, членом еврейской партии «Бунд» и редактором газеты «Одесский листок», а в декабре 1941-го, в уже достаточно солидном возрасте, оказался членом еврейского комитета, помещавшегося на Ольгиевской, 18.

По свидетельству Каплера, задачей его комитета было действительно составление «списка оставшихся в живых» и... сбор еврейских ценностей для передачи властям.

К «ценностям», кстати, кроме золота, серебра и бриллиантов причислялись ковры, картины, мебель, постельное белье, посуда – да-да, те самые «малированные кастрюли», которых так алкали наши дворники. Известен случай, когда какой-то прокурор, видимо, куратор комитета, «заказал» добыть для него «золотые часы хорошего качества, золотое кольцо с большим бриллиантом, два теплых новых одеяла, пять штук новых простынь, четыре пододеяльника, красивый посудный сервиз и... кухонную посуду».

Каплер, видимо, боясь «запачкаться», от сбора еврейских ценностей отказался, предпочтя ему регистрацию «оставшихся в живых».

Вот ведь что получается: даже Каплер, при всем своем уме и жизненном опыте, не понял этой, с позволения сказать, новой «регистрации»!

Для проведения регистрации еврейские комитеты направляли в подведомственные им районы своих представителей.

Представители обходили квартиры, предъявляли напечатанные на огрызках бумаги «удостоверения» и, расположившись с удобством за семейным столом, пили предложенный радушной хозяйкой чай... мороз ведь на улице!.. и делали свое черное дело – переписывали хозяев.

Они вносили в «список оставшихся в живых» точный адрес, имя, отчество и фамилию каждого члена семьи, возраст, пол и профессию, не забывая указать и, не известно зачем, родственные связи – мать, сын, племянник...

К основному списку прилагался еще один, дополнительный, в котором указывалось число комнат в квартире. Но это понадобится потом, позже, после депортации, когда квартира станет уже «бесхозной»...

Но как представители объясняли евреям необходимость такой регистрации?

Да как угодно!

Хоть подготовкой к выдаче «продуктовых карточек».

А что? Вполне логично: в Одессе голод!

Ну, а сами они, представители, что сами они об этом думали?

Ведь и они, в конце концов, были евреями?

Ведь их тоже должна была коснуться депортация?

Вот перед нами один из списков, составленный в декабре 1941 года и озаглавленный: «Особое дело паспортного стола 9-го полицейского участка города Одессы: список евреев, проживающих на территории 9-го района Одессы, с указанием точного адреса проживания, полного состава семьи, пола и возраста владельцев квартир».

Представители еврейского комитета, составлявшие этот список, обошли все квартиры евреев в 95 домах, расположенных на 15 улицах Одессы.

Дорогие наши друзья одесситы, где бы ни был сегодня ваш дом, вы, конечно, помните эти милые сердцу улицы и переулки – свидетели нашей юности: Софиевская, Преображенская, Гаванная, Приморский бульвар, Малый и Театральный переулки...

В этом списке 605 человек.

Как показал проведенный нами статистический анализ, это, в основном, женщины – 46,3 % (280 человек, от 16 и до 60 лет), и старики – 20,8 % (126 человек, от 60 и до 90 лет).

Мужчин всего 85 человек, около 14 %. А детей до 16 лет 116 и среди них 23 младенца и 10 малышей, оставшихся без родителей.

Самой старенькой, Хае Браиловской, из дома № 3 на Екатерининской площади, уже стукнуло 90. А самой маленькой – Аннушке, дочке Поли Эльзон, из дома № 17 по Ланжероновской – еще нету и месяца.

В этот список попали трое детей по фамилии Малый, из дома № 14 по Нарышкинскому спуску. Родители этих детей – 12-летнего инвалида Изи, 10-летней Сарры и 8-летней Фанюшки – погибли, и они остались сиротами.

В этот список попала Нора, родная сестра Таси, и ее трехлетний сынишка Эрик. Они, как вы помните, жили на Софиевской, 21.

Зимние дни коротки...

Уже смеркалось, когда в квартиру Норы постучали.

Оказалось, дворничиха, Павлова и с ней двое вполне приличных мужчин, по виду евреев.

Это были представители еврейского комитета, Айзенберг и Файер.

Они предъявили Норе удостоверение и объяснили цель своего прихода.

Нет, Нора не предлагала им чаю, не до того ей было. Она была не на шутку встревожена неожиданным визитом и пыталась им объяснить, что на самом деле она и не еврейка вовсе и никакого отношения к еврейскому комитету не имеет. Покойный отец ее известный врач Иосиф Тырмос вообще грек по национальности, вся семья их прошла обряд крещения и даже в паспорте она записана русской.

В подтверждение своих слов она показала им свой «русский паспорт», купленный, как мы уже упоминали, за большие деньги ее мужем Сашей Шером в первые дни войны, еще до того, как его арестовал НКВД.

«Ну, хоть вы им скажите, Павлова, – обратилась она к дворничихе. – Вы же нас знаете».

«Та знаю я, знаю. Казала я им, вже казала», – ухмылялась Павлова, «забывая», что это именно она привела представителей в квартиру Норы.

Представители, правда, «успокоили» Нору и обещали ей, что, если она действительно русская, то в списке евреев около ее фамилии в комитете обязательно сделают «особую отметку».

Нора не стала спорить, главным образом потому, что ее волновала совершенно другая проблема: все это время в ее спальне, за плотно закрытой дверью, пряталась бабушка Ида.

Ида, оставшаяся без крова после взрыва дома на Петра Великого, жила у Норы «без прописки», и обе женщины по советским, давно не действующим, законам считали это страшным «преступлением» и боялись «неприятностей».

Тем временем Павлова тоже вдруг вспомнила об Иде, которую она несколько раз видела во дворе.

«А где бабка?» — спросила она у Норы.

«Ушла. Ушла к себе домой. Моя мать не живет здесь постоянно. Я живу здесь только с сыном».

Нора была готова заплакать. Избалованная жизнью, она не привыкла лгать. Красота, материальный достаток, любящие отец и мать, любящий муж, два замечательных сына, друзья и... вдруг...

Муж арестован НКВД, почему-то как «немецкий шпион». Старший сын, 18-летний Гарик, курсант «Мореходки», еще в первые дни войны ушел пешком на Николаев. Друзья, один за другим, исчезли. Она осталась одна, с 3-летним ребенком, страдающая от диких болей в пояснице, без денег, без топлива, без продуктов. И некому помочь и не к кому обратиться. И нужно еще дать приют старушке маме, которая живет здесь «без прописки», под постоянным страхом разоблачения, и дворничиха Павлова позволяет себе называть ее «бабкой»...

Это «бабка» по отношению к маме окончательно вывело ее из себя.

Нора уже плакала навзрыд.

Айзенберг и Файер растерялись. Они не ожидали такой реакции и поторопились распрощаться.

Люди они были, наверное, неплохие. Но все же «отметку» о крещении Нору в списке «оставшихся», как мы видим на ксерокопии, не сделали.

Их самих, скорее всего, тоже ждала обычная для одесских евреев судьба.

К концу 1941 года еврейский комитет 9-го полицейского участка закончил свою работу. Завершили работу и другие еврейские комитеты.

Оказалось, что в городе еще оставалось около 40 тысяч евреев.

Неопубликованный приказ

Пока в Одессе шло составление «списка оставшихся в живых», ситуация в Богдановке, к огромному удовольствию Антонеску, прояснилась.

К 28 декабря 1941-го Зондеркоммандо «Rusland» успела уничтожить в Богдановской Яме около 30 тысяч жидов, пригнанных с Дальника. И это, несмотря на 4-дневный перерыв в убийствах по случаю праздника Рождества.

Так что теперь можно было перегонять в Транснистрию и тех, кто попал в списки, подготовленные еврейскими комитетами. И если даже немцы откажутся принять их на свою территорию, фольксдойче справятся с ними сами.

Как только закончился праздник Рождества, 28 декабря 1941 года, в Светлое Воскресенье, начальник штаба генерал Николае Тэтэрян по приказу Антонеску направил командующему войсками Одессы приказ о депортации.

ТЕЛЕГРАММА

Карпаты, 28 декабря 1941 г.

14 часов 30 минут

Господин маршал Антонеску приказал, чтобы все жидаы были немедленно депортированы из Одессы, так как ввиду сопротивления Севастополя и недостаточного количества сил, находящихся там, мы можем ожидать внезапных сюрпризов. В случае русского десанта в Одессе или в ближайшей местности из-за этих жидов может случиться катастрофа.

Господин маршал Антонеску сказал: «Держать их там – это преступление. Я не желаю позорить себя недостатком предвидения».

Прошу немедленно связаться с губернатором Транснистрии, довести до его сведения вышеуказанное и совместно приступить к немедленному исполнению приказа маршала.

Начальник штаба, генерал Тэтэрян

[ООГА, ф. 1620, оп. 1, д. 1486, л. 31. Перевод с румынского.]

Смешно, не правда ли?

Антонеску пытается аргументировать депортацию евреев – женщин, детей и стариков – опасностью, которую, как он «предвидит», они представляют для доблестной румынской армии.

Что это? Паранойя?

Или действительно «предвидение»?

Только не «русского десанта», а Народного суда, который в 1946-м приговорит его к расстрелу.

И все же, как это ни абсурдно, телеграмма с «предвидением русского десанта» явилась «обоснованием депортации» и дала возможность Алексяну подготовить специальный приказ, получивший известность как «Приказ № 35».

Приказ № 35 называет депортацию «эвакуацией».

Но какая разница, каким словом называется это преступление: эвакуация, депортация, изгнание?

Мы называем это словом «смерть».

Разве не на смерть выгоняли убийцы женщин, стариков и детей?

Разве не на смерть в суровую зимнюю пору заставляли их тащиться бог знает куда? Без теплой одежды, без продуктов питания без денег и даже без мало-мальски ценных вещей?

Антонеску сказал: выгнать из города, как собак – «un câine».

Но ведь даже собак в такую пору из дома не выгоняют?!

Подручные Александру, как видно, немало сил затратили на составление этого приказа.

Приказ № 35 в общем виде определял весь процесс депортации.

К нему прилагалась еще *«Инструкция для эвакуации еврейского населения из г. Одессы и его окрестностей»*, где подробнейшим образом все расписано было и объяснено. Еще бы, 16 параграфов и почти каждый содержит 4–5 подпараграфов, от «а» до «д».

Инструкция оповещала всех заинтересованных лиц о том, что в городе создается Центральное бюро по эвакуации и аналогичные бюро во всех полицейских районах, с особыми полномочиями в отношении эвакуации и в отношении остающегося еврейского имущества.

А также о том, что каждому еврею разрешается взять с собою, и особенно о том, что «не разрешается».

Не разрешалось брать с собою художественные произведения, драгоценности и вообще любые ценные вещи. Не разрешалось брать деньги, кроме германских марок. Не разрешалось брать государственные или банковские документы, оружие и... автомашины.

Автомашины?!

Ну-ну, как видно, домнуде профессор Александру изволили шутить.

Хотя и приказ, и прилагаемая к нему инструкция были совсем нешуточными.

За невыполнение полагалось наказание по законам военного времени, другими словами, расстрел.

Но вот что удивительно: несмотря на несомненную важность Приказа № 35, готового к публикации уже 2 января 1942-го, он не был опубликован!

Не был расклеен, как все предыдущие приказы, на воротах домов и на афишных тумбах, не был пропечатан в «Одесской газете».

Почему?

Неужели «Красная Собака» сжалился над евреями и решил отменить депортацию?

Нет, конечно, не мог он сжалиться да и депортацию не отменял.

Просто этот приказ, такой удобный на первый взгляд, был абсолютно невыполним!

Ну, подумайте сами, списки «оставшихся в живых», составленные еврейскими комитетами, действительно давали возможность добраться буквально до каждого из 40 тысяч сгоревших в городе евреев и с помощью дворников и жандармов выгнать их на мороз.

Но как возможно было этих выгнанных депортировать?

Не будешь же перегонять к Бугу каждого отдельного жида или пусть даже каждую жидовскую семью?

Видимо, нужно было где-то все-таки всех их собрать, сконцентрировать, сосредоточить, а затем уже колоннами гнать дальше.

Вот по этой, чисто технической причине публикация Приказа № 35 была отложена. Заметьте – отложена, а не отменена.

И тут возникла идея создания гетто.

Ну, не совсем, конечно, гетто, а временный такой лагерь для концентрации жидов, так сказать, «якобы гетто».

Для создания этого «якобы» был выбран один из самых дальних районов Одессы, фактически пригород, носящий имя Слободка-Романовка.

Итак, Слободка...

Не Молдаванка, как можно было ожидать, поскольку именно она была достаточно густо заселена евреями и здесь легко можно было бы разместить депортируемых, подселив их к родным и знакомым.

Но нет, Слободка, застроенная в основном одноэтажными частными домиками. Здесь почти не было евреев, да и местные жители – прихожане маленькой церкви Рождества Пре-

святой Богородицы – весьма, скажем так, отрицательно относились к жидам, и маловероятно, что были бы «счастливы» принять таких «постояльцев».

Уже сам выбор Слободки в качестве гетто как нельзя лучше свидетельствует о том, что создавалось вовсе не гетто, а некий перевалочный пункт, не предназначенный для длительного проживания.

Итак, Слободка. Как сказано, дальний пригород, отделенный от города высокой железнодорожной насыпью с уродливыми мостами.

Для превращения Слободки во временный лагерь особых усилий не требовалось. Евреев предполагалось разместить в нескольких пустующих в эти дни зданиях: в студенческом общежитии Одесского водного института, в помещениях суконной фабрики и в помещении школы.

Ясно было, конечно, что этого недостаточно, что все 40 тысяч «выгнанных» разместиться здесь не смогут. И те, кто не найдет пристанища, замерзнут или умрут от голода.

Район обнесли забором из колючей проволоки, под мостами, служившими импровизированными воротами, поставили охрану, и «гетто» было готово.

Можно было начинать акцию.

Первый этап – вспомогательный: концентрация в гетто.

Второй – основной: депортация в Транснистрию.

И третий – окончательный...

Первый этап начался 10 января 1942 года и, естественно, ознаменовался появлением на улицах города приказа.

Но нет, не Приказа № 35, как можно было ожидать, а совершенно другого приказа, носящего номер 7.

Приказ № 7

Одесса, 10 января 1942 года, суббота

Время как будто остановилось...
Пусто в городе. Тихо. Идет мелкий снег.
Редкие прохожие спешат, жмутся к стенам домов.
Румынские патрули, натянув на уши теплые шапки-качулы, обходят улицы, не давая себе труда даже выборочно проверять документы.
Завтра уже все изменится.
Завтра весь город взорвется выстрелами, плачем, стенаниями...
Завтра весь город заполнится толпами евреев, идущими в гетто.
Это те, кто еще остался в живых.
Те, кого еще не повесили, не расстреляли, не сожгли, не угнали в Богдановку.
Сегодня они идут в гетто.
Идут пешком через весь город.
С узлами, кошелками, чемоданами.
Несут на руках детей, тянут нагруженные скарбом детские саночки, толкают детские коляски. Волочат своих стариков, тащат калек на носилках...
Они идут по мостовой, а на тротуарах, точно так же, как в Киеве, когда евреи шли в Бабий Яр, стоят жители Одессы и громко обмениваются впечатлениями, обсуждая бредущих по мостовой соседей.
Говорят, что мороз тогда доходил до 30 градусов...
Говорят, что воробы замерзали на лету...
Есть и сегодня историки, которые пишут, что евреи Одессы «вышли в гетто», что евреи Одессы, видите ли, не сопротивлялись оккупантам, что шли, «как стадо овец на бойню».
Нет, господа историки, вы заблуждаетесь, евреи Одессы не «вышли» в гетто, их выгнали в гетто. И как могли они сопротивляться вооруженным румынским жандармам, когда в этом «стаде», как вы выражаетесь, было 84 % женщин, детей и стариков? И лишь 14 % мужчин, не призванных в Красную армию по причине возраста, болезни или увечья?!Жандармы прошли по улицам города, из дома в дом, из квартиры в квартиру и с помощью дворников выгнали из этих квартир всех, кто был внесен в эти списки, составленные представителями еврейских комитетов. Всех поголовно, включая малых детей, включая стариков и калек, всех тех, о ком заранее было известно, что не смогут дойти до гетто, что упадут...
Из дома № 51 по Торговой выгнали молодую женщину – Геню Шустер с тремя детьми. Ленечке было 9, Ромочке 7, а Изеньке только 4 года.
Из дома № 6 по Французскому бульвару дворник Илларион выгнал 80-летнего Шлему Рубина. Дедушка Шлема жил в эти дни один – жена его Блюма давно умерла, две младшие дочери, Клара и Миля, были в эвакуации, а две старшие, Соня и Рива, уже погибли. Строгая незамужняя Соня сгинула где-то в первые дни оккупации, а кареглазую красавицу Риву с мужем и сыном расстреляли на Дальнике.
Так, в одиночестве, Шлема пошел в гетто.
Высокий красивый старик медленно шел по мостовой, опираясь на палку.
Вот он споткнулся, упал на снег, и никто не помог ему подняться.
Только жандарм подошел и неспешно добил прикладом.
Эта история имела неожиданное и страшное продолжение.

Вернувшись в Одессу из эвакуации в 1949-м, дочь его Клара узнала подробности гибели семьи и, вопреки всякой логике, решила, что это ее вина: уехала, бросила...

Клара тяжело заболела и вскоре покончила жизнь самоубийством⁷.

Но все это будет потом, после войны, а пока...

Евреи Одессы идут в гетто.

ИЗ ДНЕВНИКА АДРИАНА ОРЖЕХОВСКОГО

«11 января 1942 г. Сегодня поистине день страшного суда для всех евреев.

Я вышел на базар в половине 8-го и видел всю эту необычную картину исхода. По всем улицам тянулись эти несчастные длинной вереницей пешком, со своим грузом, на маленьких санках, еле плетущихся старух, стариков и детей по довольно глубокому снегу.

Видел двух старух, древних, совершенно обессиленных. Лежавших прямо на снегу, не имея сил подняться. Словом, творилось что-то ужасающее...»

Так будет завтра.

А сегодня здесь как будто бы другая планета.

Город вымер. Застыл в сугробах. И только колючий ветер властвует на пустынных улицах, метет серебрящуюся в лунном свете поземку, раскачивает голые ветви акаций и завывает в печных трубах.

На углу Мясоедовской и Прохоровской, у покосившейся афишной тумбы, несколько темных, закутанных по самые глаза, фигур. Переминаясь с ноги на ногу, они почти по слогам читают присыпанный снегом листок.

Это Приказ № 7...

И нам придется привести его почти полностью.

ПРИКАЗ № 7

10 января 1942 года

Я, генерал Н. Тиб. Петреску, командующий армией и гарнизоном г. Одессы, имея в виду закон № 1748/941, а также имея в виду приведение в исполнение приказа № 35/942 губернатора Транснистрии, приказываю:

Ст. 1. Все без исключения евреи интернируются в гетто на Слободке и обязаны явиться в течение 2-х дней, начиная с 10 января 1942, с 8 часов утра.

Ст. 2. Интернируемые в гетто евреи могут взять с собой продукты питания, одежду и необходимые предметы хозяйственного обихода, а также ценности и суммы, составляющие их собственность или принятые на хранение...

Ст. 3. Направляясь в гетто, евреи обязаны сдать управдомам или дворникам занимаемые ими помещения со всем имуществом, составив список в 2-х экземплярах...

Ст. 4. Управдомы и дворники, а также всякий гражданин, знающий какого-либо не явившегося в гетто еврея или еврея, который под фальшивыми документами скрывает свое еврейское происхождение, изменив имя, национальность или религию, обязан немедленно заявить, в письменной форме, в районный полицейский участок, указав место, где скрывается такой еврей.

Ст. 5. Лица, которых касается содержание Ст. 1 и которые нарушают распоряжение, изложенное в ней, будут подвергнуты смертной казни...

Ст. 6. Лица, которые будут укрывать, принимать к себе на квартиру или каким-либо другим способом помогать евреям в уклонении от интернирования в гетто... будут наказаны каторжными работами от 5-ти до 10-ти лет...

Дан в Штабе Командования сегодня 10 января 1942 года.

⁷ Из неопубликованных воспоминаний Любы Шиссель. Израиль, Нетания, 2006.

*Командующий армией и гарнизоном г. Одессы,
генерал Тиберию Петреску
Следователь Военной прокуратуры, военный юрист,
подполковник Кирилл Солтан*

В отличие от неопубликованного Приказа № 35, Приказ № 7 был расклеен на всех воротах, на всех афишных тумбах, на всех столбах.

Он должен был стать известен каждому – еврею и нееврею.

Но если сравнить тексты двух этих приказов, № 35 и № 7, то становится ясно, что это, фактически, один и тот же приказ.

Они отличаются друг от друга только «стилистически»: Приказ № 35 требует «эвакуировать» всех без исключения евреев из города, а Приказ № 7 требует от этих же евреев «явиться в гетто».

Выполнение обоих приказов назначено на одно и то же число: 10 января 1942 года.

То есть, как мы и говорили: сначала – гетто, затем – депортация.

И уже при выходе в гетто евреи обязаны выполнить всю подготовку к депортации, как-то: сдать дворникам и управдомам свои квартиры, взять с собой минимум каких-то личных вещей и ни в коем случае не брать ничего ценного. Все ценное, к удовольствию дворников, остается в квартирах.

Со смешанным чувством читают этот приказ стоящие у афишной тумбы.

Кто-то вздыхает. Кто-то утирает слезу.

Но есть и те, кто не сдерживает злорадный смешок.

Евреи потрясены...

Хотя и не знают пока, что Слободка – это не самое страшное, что их ожидает.

Не знают, что это «якобы гетто», куда им приказывают явиться, служит лишь перевалочным пунктом. Не знают, что на самом-то деле их ждет депортация в Транснистрию, к Бугу – туда, где в чудовищной Богдановской Яме серебристый рождественский снег стал черным, смешавшись с пеплом сожженных их братьев. Не знают, что ждет их та же судьба...

Евреи потрясены пока только словом «гетто».

Потрясены тем, что в случае неподчинения их ожидает смерть.

Опустив головы, спешат они по заснеженным улицам, спешат домой, спешат сообщить своим близким страшную весть.

Завтра, завтра, на рассвете им придется покинуть свой дом.

Завтра они вынуждены будут идти на Слободку, в гетто.

Удивительно, но каким-то невероятным образом все евреи Одессы в тот же вечер узнали об этом приказе. Слух о нем прошел по всем улицам, из дома в дом, из квартиры в квартиру и, как адский огонь, зажег весь город. В полном смысле слова, зажег, потому что вдруг, тут и там, в затемненных глазницах окон вспыхнули мерцающие огоньки коптилок.

Всю эту долгую зимнюю ночь евреи не спали.

Всю эту долгую зимнюю ночь они собирались в дорогу.

Прощались с дорогими их сердцу стенами дома, с книгами, с фотографиями.

Плакали...

Для многих эта ночь стала последней.

Одни предпочли самоубийство, другие, как видно, с горя, лишившись рассудка, подожгли свой дом...

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Преторская служба г. Одессы

11 января 1942 г.

* Гражданское население города довольно мерами румынских властей по интернированию евреев в гетто...

* На улице Прохоровская, № 29, еврейка Медтт Люба подожгла вещи в своей квартире. Огонь заметили соседи и с помощью пожарников потушили. Следствие, проведенное 3-м отделением полиции, показало, что еврейка намеревалась поджечь весь дом, но ее планам помешала бдительность дворника и соседей.

Поджигательница признала свою вину и была казнена на месте...

* На улице Пушкинская, № 68, в квартире № 17, найдены повешенными евреи – Хайслер Лейзер, 60 лет, и Хайслер Сосия, 62 лет. Причина самоубийства заключается, видимо, в нежелании быть интернированными в гетто...

Претор, подполковник М. Никулеску.

Одна слабая женщина...

Одной из тех, кто в тот вечер, 10 января 1941 года, оказался на Мясоедовской, была Фаничка – мама Янкале.

Заметив толпу у тумбы, она подошла поближе и очень внимательно прочла приклеенный к ней приказ. Прочла и поняла, и поспешила домой, чтобы рассказать матери и сестре о новой подлости оккупантов.

Нет, она не плакала в этот вечер.

Не просталась с родными стенами, с книгами, с фотографиями.

Она знала, знала с первой минуты, еще там, у афишной тумбы, когда читала приказ, что не пойдет в гетто.

Не пойдет, невзирая ни на какие угрозы.

Не пойдет и не поведет туда сына и мать. И не потянет туда парализованную сестру.

Однажды она уже совершила ошибку – вышла на «регистрацию паспортов» на Дальник. Там погиб ее муж, Гриша, отец Янкале. Да и они с Янкале чуть не погибли. Больше обманывать себя она не позволит!

Фаничка, конечно, понимала, что, если они не пойдут добровольно, их выгонят силой. Их местопребывание известно. Ведь не случайно же дворник Прокоша недавно привел к ним двух представителей еврейского комитета, и те всю семью занесли в какие-то «списки».

Нужно бежать отсюда. И как можно скорее, еще до того...

Еще до того, как в их дом вломятся жандармы.

Они уйдут...

Уйдут втроем...

Цилю придется оставить здесь, в квартире. На несколько дней, пока они не найдут пристанище. Ее, калеку, не тронут – она ведь просто не сможет добраться до гетто.

И Фаничка начала собирать небольшую сумку, а матери и Янкале приказала одеваться. Вещей никаких пока с собою не брать...

Не прошло и часа, как они вышли из дома.

Не имея никакого конкретного плана.

В никуда...

С этой минуты и начался их безумный бег.

От одной опасности к другой, еще большей.

У них не было ни места, где можно было укрыться, ни друзей, которых можно было просить о помощи. Только воля.

Железная воля одной слабой женщины, на руках которой была старуха-мать и одиннадцатилетний мальчишка, голубоглазый, не по летам высокий и, извините за подробности, обрезанный.

Они умудрялись несколько раз бежать из Одессы в Транснистрию и возвращаться обратно, несмотря на то, что еще в ноябре вышел специальный Приказ № 5, в котором «*въезд частных лиц в Транснистрию, а также выезд из нее*» был воспрещен.

Однажды они отправились... страшно даже подумать!.. в немецкое село Кляйн-Либенталь! Не зная, конечно, что в нескольких километрах от него, в Гросс-Либенталь, находится один из важнейших центров Зондеркомmando «*Rusland*». Не зная, что с помощью Зондеркомmando «*Rusland*» весь этот район «очищен» от евреев. Не зная о Богдановской Яме, где только на прошлой неделе завершилось убийство 50-ти тысяч евреев – тех самых, с которыми в октябре 1941-го, после бойни на Дальнике, они шли в одной колонне.

Укрыться в Кляйн-Либенталь?!

Как «такое» могло прийти Фаничке в голову?

Кто «такое» мог ей подсказать?

Едва избежав смертельной опасности в Кляйн-Либенталь, они вернулись в Одессу, где все евреи уже были заперты в гетто и появляться на улицах города стало еще опаснее.

Правда, в те дни у Фанички был уже «русский» паспорт.

Как и каким образом достался ей этот поддельный паспорт, Фаня так до конца своей жизни и не рассказала. Честно держала слово, данное человеку, «соорудившему» подделку.

Но кто был этим человеком?

Создается впечатление, что с паспортом ей помогла некая Ольга Гааз.

Ольга принадлежала к уважаемому в Одессе клану немцев-колонистов, прибывших в Россию в начале XXI века. Это были по тем временам весьма образованные люди: врачи, фармацевты, музыканты. Они, в основном, поселились в Одессе и в новых немецких колониях – Гросс и Кляйн-Либенталь.

Ольга жила одна – муж ее, как многие этнические немцы, был арестован, и она зарабатывала на хлеб, занимаясь машинописью. Печатала разные документы, снимала копии...

Во время румынской оккупации она, получив, как фольксдойче, охранную грамоту – «аусвайс», продолжала свою деятельность и даже расширила ее, выполняя необходимые населению переводы с русского на немецкий и с немецкого на русский. В «Одесской газете» регулярно публиковалась реклама бюро машинописи Ольги Гааз.

Интересно, что после освобождения Одессы, в 1944-м, когда большинство оставшихся в оккупации этнических немцев были арестованы и, в лучшем случае, сосланы в Сибирь, Ольга, которая по роду своей деятельности наверняка была связана с властями, никаким преследованиям не подвергалась!

Это невольно наводит на мысль, что она, как и та, другая, известная нам немка, Эмма Дуккарт – «квартирная хозяйка» резидента НКВД в Николаеве Виктора Лягина, была специально оставлена в Одессе.

Тут явно просматривается «судоплатовский почерк».

Так это было или иначе, теперь уже не узнать.

Во всяком случае, Фаничка не случайно всю жизнь молчала об участии Ольги в подделке паспорта. Подделка – это всегда уголовное преступление, даже в том случае, если она спасает кому-то жизнь.

А паспорт, действительно, спас им жизнь, хотя подделка была выполнена грубо, видимо, впопыхах и могла быть легко обнаружена.

Из немецкого поселения Кляйн-Либенталь, куда они отправились тоже, наверное, по совету Ольги, у которой там были родственники, им пришлось бежать. Они вернулись в Одессу, и снова бежали, и снова, пока, наконец, однажды, в канун Великого праздника Крещения не оказались где-то под Тирасполем, в забытом Богом селе Колкотовая Балка, у дверей незнакомых им местных жителей по фамилии Шесточенко.

Дверь им открыла хозяйка этого дома – Нина.

Янкале помнит, что Нина встретила их, «как дорогих гостей».

Пусть так...

Но Нина Шесточенко была неглупым человеком и наверняка, увидев у своих дверей эту необычную троицу – женщину, мальчика и старуху – и выслушав их абсурдную историю, сразу поняла, кто они и откуда.

Ей было достаточно только взглянуть на них.

Прошло почти десять дней, с тех пор как они покинули свой дом, и все это время, как загнанные звери, метались по засыпанным снегом дорогам, зарываясь в солому на крестьянских телегах, укрываясь грязным брезентом в кузове румынского военного грузовика. Им негде и не во что было переодеться, негде умыться. И все это вместе, естественно, отразилось на их внешнем виде.

Кроме того, Колкотовая Балка находилась в пяти километрах от Тирасполя и была прочно связана с ним родственными и торговыми связями.

Все, что происходило в Тирасполе, было известно на Колкотовой. Заколов борова или собрав урожай яблок, жители Колкотовой отправлялись в Тирасполь на базар, где на вырученные от продажи деньги покупали обновки для детей, соль, сахар, нитки и камешки для зажигалок.

А еще они привозили оттуда свежие «новости», и эти жуткие новости слишком часто касались жидов.

В Тирасполе с 10 сентября 1941-го шла кровавая бойня: более двух тысяч евреев были расстреляны во дворе табачной фабрики, четыре тысячи на Слободке и еще полторы за городом у Днестра. Этим, последним, и закапывать не пришлось – трупы их просто сбросили в реку.

Нина Шесточенко тоже ездила на базар и не раз бывала свидетельницей облав на евреев. Она хорошо знала, как эти евреи выглядят.

И те, кто стоял у ее дверей, безусловно, были евреями, хоть и «балакали на щирой украинській мове».

Ошибки быть не могло.

Это были евреи.

Их выдавал ужас, застывший в глазах.

И если она не впустит их в дом, они уйдут на смерть.

А если впустит?..

Что будет с ней и с ее семьей?

И Нина вдруг, неожиданно для себя самой, приняла решение: впустить!

Почему она это сделала?

Чем приглянулись ей эти трое – молодая высокая женщина, голубоглазый мальчишка и красивая, совсем седая старуха?

Вряд ли она сама могла ответить на этот вопрос.

Но она распахнула двери и пригласила войти в дом.

Обогрела, накормила, дала возможность помыться, сменить одежду, и... оставила у себя до самой весны, делясь с чужими людьми куском мамалыги и подвергая опасности своих детей.

Земной поклон Вам, Нина Шесточенко...

От Янкале: В никуда...

*Одесса, 10 января 1942 г., суббота Дом Мордехая Бошняка
на Молдаванке 88 дней и ночей под страхом смерти*

Сегодня румыны повесили новый приказ: всем нам явиться в гетто на Слободку. Кто не захочет явиться – расстрел.

Но мама решила, что мы не пойдём.

Правда, и дома нам оставаться нельзя.

Мама считает, что нужно уходить.

А куда уходить?

И что будет с Цилей – она ведь совсем не может ходить...

Циля плачет, просит отправить ее в гетто одну: *«Бросьте меня. Посадите на подводу и отправьте на Слободку».*

Но мама решила, что Циля останется дома. Румыны ее не тронут. Не посмеют.

А нам нужно торопиться.

«Уходите, – говорит Циля. – Идите. Спасайте ребенка. Лучше мне погибнуть, чем знать, что из-за меня...»

Мы уходим. Мама, бабушка и я.

Спускаемся с лестницы. Я впереди, бабушка за мной. Сзади мама несет сумку.

Циля стоит в дверях, опирается на палку. Смотрит нам вслед.

Я оборачиваюсь и машу ей рукой. А мама вдруг возвращается, бежит вверх по ступенькам и обнимает ее: *«Смотри за собой, – говорит. – Не бойся. Я приду к тебе завтра. Или послезавтра».*

Мы ушли. Просто ушли из дому.

Не зная куда...

Мы идем по пустынным заснеженным улицам. Ветер бьет по лицу, но нам негде укрыться...

Уже совсем стемнело, когда мы добрались до Привоза.

Несмотря на темень, здесь все еще полно людей.

Мы идем по рядам, где продают горячую еду.

Пахнет борщом, котлетами.

Толстая торговка в белом халате поверх кожуха громко выкрикивает: *«Варэ-ныч-ки! Кому горя-чи варэ-ныч-ки!»*

Мама подходит к торговке и о чем-то с ней говорит.

Подшли и мы с бабушкой.

«Спробуйтэ варэнычкив!» — предлагает торговка.

«Дякуэмо, мы вжэ поилы, нэ голодни», – отвечает ей бабушка по-украински.

Я проглатываю слюну – ну, зачем она отказалась?

«Гаразд, – говорит торговка. – Я вжэ збыраюся до дому, там и повэчэряемо».

Вместе с торговкой мы уходим с Привоза и идем к ней домой. Живет она неподалеку, на Преображенской, в старом доме, на первом этаже. Маленькая комнатка, куда она нас завела, вся заставлена мебелью. Еле протискиваемся между диваном и деревянным столом, над которым висит оранжевый абажур. В углу под иконой горит лампадка.

Душно, но тепло и не страшно.

Но тут торговка начинает расспрашивать маму, кто мы и откуда приехали в такой мороз. Мама пытается улыбаться и рассказывает ей, что мы со станции Затишье, приехали в клинику доктора Филатова, лечить бабушкины глаза.

«А документ в вас у порядку?» — подозрительно спрашивает торговка.

«Та шо вы, риднэнька, нэвжэ ж я вас тидведу?» — отвечает ей мама. — *Мий пачпорт узялы до полиции выправыты рээстрацию. Як повернуть, я вам и покажу».*

«Добрэ. Зальшайтэся покы».

Мы остались. Пока...

От Фанички: Смерть Циля

*Одесса, 11 января 1941 г., воскресенье Квартира торговки
варениками 89 дней и ночей под страхом смерти*

Утром торговка убежала на Привоз, а я выбралась из нашего временного убежища и пошла на Молдаванку, чтобы проведать Цилю.

Это был жуткий день – день выхода евреев в гетто. Десятки тысяч со всех концов города шли на Слободку.

Стоял небывалый мороз. Город был весь занесен снегом, и на этом белом снегу чернели тела убитых.

С трудом добралась я до Молдаванки и, подходя к нашему дому, еще издали увидела сестру.

Циля была на улице...

Сидела на скамейке у ворот в своем новом зимнем пальто и была... была почему-то вся засыпана снегом.

Я остановилась напротив дома, на другой стороне улицы, и, чтобы не упасть, ухватилась руками за дерево.

Меня охватил ужас...

Моя сестра была не похожа на себя.

Лицо ее было опухшим и синим...

Она... замерзала.

А я стояла на другой стороне улицы и смотрела на нее.

Смотрела на свою умирающую сестру и ничем не могла ей помочь.

Страшно об этом говорить, но я... ушла.

Ушла, не попрощавшись с сестрой.

Меня ждал мой ребенок и моя старенькая мама.

И я не знала, удастся ли мне добраться до них живой и найду ли я их живыми.

Ведь им, как и мне, каждую минуту грозила смерть.

А Циля?

Мне рассказали соседи после войны, что это наш дворник Прокоша Юрченко выбросил Цилю на мороз и целые сутки она замерзала на скамейке у ворот. А потом он позвал жандарма, и они потащили ее, живую, в соседнюю развалку и пристрелили. Просто пристрелили...

Эту ужасную трагедию я долго хранила в своей душе и так и не рассказала о ней своей маме. А сыну рассказала.

Но только через много лет, когда он стал мужчиной и мог, я надеюсь, понять меня и... простить.

«Воны жыды хрэщени!..»

Тогда, в декабре 1941-го, составляя «списки оставшихся в живых», представители еврейского комитета обошли все дома на Софиевской улице, но в развалины дома № 17 лезть не решились, и просто, как видим мы на ксерокопии списка, записали: *«Евреев нет»*.

Вот так и случилось, что Ролли и ее родители, к счастью, в этот список не попали, и прямой опасности угона в гетто для них как будто бы не было. И все же, зная, что происходит в городе, они каждую минуту ждали прихода жандармов.

Все новости им приносила Эмилька, торчавшая весь этот день на улице и вместе с соседками глазевшая на леденящее душу зрелище: исход евреев в гетто.

Час шел за часом. День стал клониться к вечеру.

Изя и Ролли, устав от бесконечной игры в крестики и нолики, заснули на антресолях. Тася дремала на табуретке, положив свою голову на кухонный стол.

И тут вдруг заскрежетала покореженная бомбежкой входная дверь, и в кухню ворвалась закутанная до глаз Эмилька.

«Тася! Изя! – закричала она с порога. – Беда! Вашу Нору угнали в гетто! Угнали вместе с ребенком...»

Изя тотчас же спрыгнул с антресолей, и они вместе с Тасей с ужасом выслушали сбивчивый рассказ Эмильки.

Около часу назад Эмилька по просьбе Таси сбежала в конец Софиевской, в дом, где жила Нора с Эриком и бабушкой Идой...

Их она уже не застала.

Но вот что рассказали ей торчащие во дворе соседки, которые «видели все сво-и-ми глазами».

Утром явились в их дом жандармы и вместе с дворничихой Павловой стали по списку обходить еврейские квартиры и выгонять из них евреев.

Нору с Эриком тоже выгнали.

Эрик плакал.

Нора прижимала его к себе и кричала: *«Мы русские! Мы русски-е-е!»*

Жандарм стал ей что-то говорить по-румынски, но она не слушала, а совала ему в лицо свой «русский паспорт».

«Воны не руськи, – сказала дворничиха Павлова. – Воны жыды хрэщени...»

Жандарм, наверное, понял слово «жиды» и отреагировал соответственно: он вырвал из рук Нору паспорт и, не заглядывая в него, разорвал.

Нора попыталась собрать разлетевшиеся на ветру клочки, поползла на коленях по снегу, но жандармы прикладами вытолкнули ее вместе с Эриком за ворота.

Эмилька спросила соседок про Иду.

«Нет, нет, – сказала одна. – Старуху мы не приметили. Может, ее еще раньше прибили. А может, она и сама со страху очурилась...»

«Заткни свою пасть, дура, – оборвала ее другая. И прибавила: – Мы, правда, старуху не видели. А вот Нору угнали. Она хорошая, Нора. Ласковая. Никогда не пройдет мимо. Всегда ребятенку нашему конфетку какую подарит. Вот и коту дворового нашего, падлюку Мурзика, кормила...»

Эмилька замолчала. Ей, видимо, нечего было больше сказать, и она, вытирая слезы, ушла в свою комнату спать.

В кухне воцарилась тишина.

Изя и Тася остались вдвоем.

Нет, они не плакали, как Эмилька.

Просто сидели всю ночь, не зажигая коптилки, на кухонных табуретках.

А когда наступил рассвет, Изя взял руку Таси в свои и сказал: *«Дальше так продолжаться не может. Ты должна попытаться уехать из города. Нужно спасти ребенка...»*

Он говорил это ей не впервые. Но она ничего не желала слушать. Вот и сейчас, несмотря на то, что случилось с Норой, она категорически отказывалась уехать и оставить его одного.

В отчаянии Изя повысил голос. Тася ответила ему тем же. И через несколько минут они оба, как видно, забыв, где находятся, уже кричали друг на друга так, что разбудили и Ролли, и Эмильку.

Заспанная Эмилька, в длинной ночной рубаше, ввалилась на кухню и вернула их к страшной действительности: они не имеют права ссориться здесь и кричать – шум этот может привлечь внимание патруля, и их разногласия разрешатся сами собой...

Тася, видимо, в конце концов примирилась с необходимостью «спасти ребенка» и, проплакав весь следующий день, 13 января, с утра пораньше, потащилась вместе с дочерью на Привоз, надеясь уехать куда-нибудь из Одессы на одной из крестьянских подвод, доставлявших в город картошку.

И здесь, в суতোлке Привоза, среди нагромождения людей и лошадей, на краткий миг пересеклись пути двух авторов этой книги – Янкале и Ролли.

Отсюда каждый из них пошел своим, совсем не детским, путем.

Рассказ этот давно уже был написан, когда мы как-то, в конце 90-х, в архиве Яд-Ва-Шем просматривали акты на уничтоженных, составленные ЧГК.

Шли часы...

Работники архива, как видно, сочувствуя нам, предлагали помощь.

«Мы хотим вам помочь, – говорили. – Скажите нам, что вы ищете?».

«Ничего, – отвечали мы. – Мы ничего не ищем».

И это была правда. А может быть, и неправда.

Наверное, в этих актах мы искали... себя.

Хотя нас в них никак не могло быть: ведь наши родители сумели избежать угона в гетто. Иначе теперь нас, наверное, не было бы в живых...

Шли часы...

Болели глаза...

Мы с трудом уже разбирали каракули рукописных актов, но все никак не могли расстаться с этими живыми листками, трепетавшими в наших руках.

Перелистывали их, перекладывали, узнавали милые сердцу улицы.

Узнавали фамилии, имена.

Вот эта, угнанная в гетто старушка, была давней подругой бабушки Слуды.

А эта молодая пара часто бывала в гостях у Таси. Я помню: у них была еще дочка – девочка моих лет по имени Фиала. Уходя в гетто, они оставили ее у соседей. Тася еще тогда возмущалась, говорила: *«Нельзя, нельзя расставаться...»*.

Шли часы...

И вдруг...

Вспышка молнии. Звон в ушах. Сердце выскакивает из груди...

Софиевская, да, Софиевская... дом № 21...

Шер Нора Иосифовна, 40 лет...

Яков потом рассказывал, что я побледнела, и ему пришлось принести мне воды.

Мы нашли то, чего НЕ искали, НЕ смели искать.

Акт об угоне в гетто жильцов дома № 21 по улице Софиевской, и среди них Нора и Эрик. Только кому-то стыдно, наверное, стало, что 3-летнего ребенка угнали в гетто, и этот кто-то исправил возраст Эрика на 18 лет.

Рядом с именем Нору в акте значатся имена еще троих жителей этого дома: Вайншток, Наум и Фаня, и Рабинович Мария.

А вот имени бабушки Иды нет.

Скорее всего Ида, не желая подвергать опасности Нору, у которой был, как сказано, «русский паспорт», решила еще до прихода жандармов уйти. И ушла, неизвестно куда. О смерти ее даже акта не существует.

Зато акт об угоне Нору и Эрика существует.

Он составлен на основании свидетельских показаний дворничихи Павловой.

Вот и подпись ее, обратите внимание, внизу листа.

Акт составлен на основании свидетельских показаний той самой Павловой, что посодествовала внесению Нору и Эрика в «список оставшихся в живых», составленный представителями еврейского комитета.

Той самой Павловой, которая кричала в то утро во дворе: *«Воны жыды хрэцени!»*

Мы думали, что этот акт последнее, что мы можем узнать о судьбе Нору.

Но, оказалось, что это не так...

От Янкале: Поддельный паспорт

*Одесса, 12 января 1942 г., понедельник Квартира торговли
варениками 90 дней и ночей под страхом смерти*

В тот день, как видно, мама так и не встретила с Цилей.

Она пришла совершенно измученная и, ничего не сказав нам, легла на диван и повернулась лицом к стене.

А вечером у нас начались неприятности с торговкой.

Вернувшись с Привоза, торговка сразу же налетела на маму: «Ну, и де же ваш пачпорт, а?»

Мама пыталась ее успокоить, обещала, что завтра обязательно, обязательно, заберет паспорт из полиции.

Но торговка ей, как видно, не верит. Подозревает, что мы евреи.

Нам нужно, наверное, убраться отсюда, пока она не заявила на нас в полицию.

Правда, идти нам опять некуда.

В отчаянии мама решила обратиться за помощью к своей старой знакомой Ольге Гааз. Когда-то она обучала маму печатанью на машинке.

Ольга любила маму. Встречала ее очень приветливо, целовала ее и звала Фаничкой.

Надеясь на помощь Ольги, мама выбралась из нашего временного убежища, смешалась с толпой идущих в гетто евреев и направилась на Греческую, где на старом двухэтажном доме, рядом с воротами была вывеска:

«Переписка и Обучение на пишущей машинке. Ольга Гааз»

Мама вошла во двор, поднялась на второй этаж по чугунной лестнице и постучала в знакомую дверь. Дверь открыла взрослая дочь хозяйки и с явной неохотой впустила маму в квартиру. Пройдя через переднюю и небольшую гостиную, где обычно заказчики ждали выполнения работ, она вошла в рабочую комнату Ольги.

Ольга Гааз, уже немолодая грузная женщина, с крупными чертами лица и седеющими волосами, собранными в кублик на большой голове, увидев маму, изменилась в лице и встала, но не бросилась, как обычно, навстречу с объятиями и поцелуями.

О подробностях разговора с Ольгой мама никогда не рассказывала. Но после войны она как-то упомянула, что, выходя из рабочей комнаты Ольги, она якобы увидела на диване открытую женскую сумочку, из которой виднелся уголок паспорта. Почти бессознательно она схватила этот паспорт и, зажав в руке, кинулась к выходу. То есть, фактически, украли паспорт.

Этот паспорт она, по ее словам, рассмотрела уже в доме торговли варениками и выяснила, что он был выдан на имя Луковой Елизаветы Федосеевны, русской, прописанной в Кишиневе по улице Красноказарменной, 27.

Невероятно, но эта Лукова оказалась примерно того же возраста, что и мама.

Боясь, что женщина может заявить в полицию о пропаже паспорта, мама решила изменить фамилию, приписав в конце ее букву «н».

Теперь фамилия стала Лукован.

А мама стала Елизаветой Федосеевной Лукован.

Но у меня и у бабушки все еще никаких документов не было, и мама вписала нас в «свой» паспорт, как иждивенцев.

Сложнее было с фотографией. В паспорте была фотография Луковой с красной печатью на уголке. Мама смочила свою фотографию, приложила к ней фотографию Луковой и... красная краска печати Луковой перешла на ее фотографию. Только на маминой фотографии ока-

залась не сама печать, а только ее зеркальное отображение и при внимательном рассмотрении можно было догадаться, что это подделка.

С этим поддельным паспортом мы будем жить около двух лет до самого конца оккупации. Каждый раз, предъявляя его, мама будет рисковать своей и нашими жизнями.

И с каждым разом в каштановых волосах моей мамы будет появляться еще одна седая прядь.

От Янкале: Кляйн-Либенталь

*Одесса, 13 января 1942 г., вторник Квартира торговки
варениками 91 день и ночь под страхом смерти*

Рано утром, взяв две большие сумки, торговка варениками отправилась на Привоз. Вид ее был озабоченный – она явно что-то замышляла. И мы решили уходить.

Оставив на столе плату за квартиру и захлопнув дверь, мы ушли и снова остались без крыши над головой в этом страшном заснеженном городе, на улицах которого румынские патрули загоняли евреев в гетто.

Но на этот раз у нас был паспорт, правда поддельный, но паспорт.

И все же, для того, чтобы избежать опасности и не попасть в гетто, мама решает уехать. Скрыться в немецком селе Кляйн-Либенталь под Одессой.

Мы снова пошли на Привоз, но на этот раз к месту, где стояли подводы колонистов, привозивших в Одессу продукты.

К одной из них подошла мама.

«Вы из Кляйн-Либенталь? – спросила. – Я ищу работу. В вашем селе есть работа? Я согласна на любую».

«У нас богатое село, – ответил хозяин подводы. – Есть большой ресторант. Там всегда есть работа. Официанткой или на кухне. Если хотите, я могу отвезти вас к нам, в Кляйн-Либенталь».

«Хорошо, но я не одна. Со мной моя мать и ребенок».

«Ну что ж, семья не помеха. Поехали. Может, вам повезет».

Втроем мы усаживаемся на подводу и еще засветло приезжаем в Кляйн-Либенталь.

«Вы можете переночевать в нашем общинном доме – там есть комната для приезжих, – говорит хозяин подводы. – Завтра пойдете в примарию и покажете ваши документы».

Устроившись в приезжей, мы почувствовали себя в безопасности.

Одесса с ее ужасами была позади...

Спать легли без ужина, но нам к этому не привыкать.

Трудней всех заснуть было маме. Завтра утром она должна будет встретиться с примарем и предъявить ему наш поддельный паспорт...

От Ролли: «Янкале, не крутись!»

Одесса, 13 января 1942 г., вторник Развалка на Софиевской 91 день и ночь под страхом смерти

Всю ночь папа сердился на Тасю и гнал ее куда-то.

Они так орали друг на друга внизу в кухне, что мне даже на антресолях было слышно.

«Уходи! – кричал папа. – Уходи из города, без разговоров. При чем тут я? Что со мной может случиться? Хватит, Тася, достаточно! Случится, не случится! Неважно! Нужно спасти ребенка!»

Тася вроде вначале как бы не соглашалась. А потом вроде как бы уже согласилась. Я не очень расслышала.

А утром вдруг выяснилось, что «уходить и спасти ребенка» Тася будет вместе со мной. То есть я тоже вроде как бы должна уходить.

Но я, конечно, уходить никуда не собиралась и решила им хорошенечко поплакать. Пусть знают!

Но папа, папа... он, он... он даже утешать меня не стал.

Просто надел на меня мое красенькое пальтишко и стал обвязывать большим Эмилькиным платком. Так крепко, что я даже плакать перестала.

Впрочем, плакать я и так уже не хотела.

Зачем плакать, когда не утешают?

А папа кончил завязывать платок и говорит: «Ну вот! Давай! И слушаться твою маму Тасю! Слышишь?»

Слушаться Тасю... С чего это вдруг?

Тася, как видно, обрадовалась, что я буду ее слушаться. Она сразу же схватила меня за руку и потащила к двери. Мы вышли из Эмилькиной квартиры на лестницу и стали остороженько спускаться по этой поломанной лестнице вниз. Сначала в развалку, а потом уже на улицу.

Оказалось, что «уходить и спасти ребенка» нужно было на подводе.

И мы пошли на Привоз, где стоят эти самые подводы, привязанные к рыжим лошадакам, которые все время что-то жуют. Как моя любимая Приблудная, которая осталась на даче Хиони, где мы жили летом и, как обещал мне папа, к которой мы обязательно потом поедем на пикапе.

Мы пошли на Привоз, и тут...

Ой! Что это?

На одной из этих привязанных к рыжим лошадакам подвод сидел один мой знакомый мальчик.

Ну, на самом деле, не очень знакомый.

А просто мальчик, который часто проходил мимо нашего дома на Петра Великого со своей бабушкой.

Было это давно, когда еще не было войны.

Тогда этот мальчик был очень красивый, в бархатном костюмчике с белым бантом и с черненьким чемоданчиком.

Чемоданчик, конечно, мне особенно понравился.

Но папа сказал, что это и не чемоданчик вовсе.

Папа сказал, что это просто маленькая скрипочка.

Папа сказал, что этот мальчик, наверное, учится в школе дедушки Столярского играть на скрипочке.

«А-а-а... – подумала я, – учится играть на скрипочке... Но тогда почему он не слушает свою бабушку? Почему она все время кричит ему: “Янкале, не беги! Янкале, осторожно!”».

Мальчика звали Янкале. Я тогда его хорошо запомнила.

И теперь сразу узнала.

Хотя он теперь был без костюмчика и без банта.

И даже без черного чемоданчика.

И сидел на краю подводы, свесив вниз ножки, и рядом с ним сидела его старенькая бабушка.

Я думаю, он тоже меня узнал.

Мне даже показалось, что он немножко придвинулся к бабушке, чтобы дать мне место на подводе.

Я уже совсем собралась спросить его, почему он сегодня без банта и без чемоданчика, как вдруг Тася больно дернула меня за руку и оттащила от подводы.

Это она всегда так делает – на самом интересном месте!

Оказывается, что она уже передумала «уходить и спасать ребенка» и нам нужно быстро-быстро бежать обратно на Софиевскую к папе.

И мы побежали. И я так ничего не успела узнать про чемоданчик.

А подвода, наверное, уехала.

И вместе с ней Янкале со своей бабушкой.

И бабушка, наверное, снова сердится на него и говорит ему: *«Янкале, осторожно! Янкале, не крутись!»*

От Янкале: «Ваш паспорт поддельный!»

*Кляйн-Либенталь, 14 января 1942 г., среда Немецкий
общинный дом 92 дня и ночи под страхом смерти*

Утром, оставив меня с бабушкой в общинном доме, мама пошла в примарию.
Вернулась она довольно быстро. На ней не было лица.

Мама сказала, что здесь, в Кляйн-Либенталь, никакой работы нет и мы должны срочно уезжать.

Как я узнал впоследствии, нам грозила большая опасность.

Взяв в руки паспорт и внимательно рассмотрев его, примарь сказал: *«Ваш паспорт поддельный. Если хотите остаться в живых, немедленно уезжайте. Я ничего не видел и ничего не знаю».*

Удивительно, но немец нас спас!

И мы снова бежим.

Из Кляйн-Либенталь, обратно... в Одессу.

В Одессу, из которой мы бежали только вчера.

В Одессу, где нам негде переночевать, негде спрятаться.

Мы едем обратно в Одессу.

И снова на какой-то подводе.

Мороз как будто стал еще злее. Слезятся глаза.

Я дышу через поднятый воротник. На воротнике появляются сосульки. Счищаю их рукавичкой.

У лошади, из раскрытых ноздрей, вырывается пар, как из трубы паровоза.

Едем долго. Хочется спать.

Въезжаем в город. Хозяин подводы поворачивает к Привозу. Здесь, неподалеку, на Чижикова, есть постоянный двор, в котором он собирается остановиться.

Мама решает тоже устроиться в этом постоянном дворе.

Хозяин поселил нас в маленькой комнатке на втором этаже и сказал: *«Вам нужно зарегистрировать паспорт в полиции. Есть приказ об обязательной регистрации всех приезжих».*

Зарегистрировать паспорт в полиции?

Это значит снова предъявлять поддельный паспорт!

Снова рисковать, как это было в Кляйн-Либенталь?..

От Фанички: «Землячка»

*Одесса, 17 января 1942 г., суббота Префектура
полиции 95 дней и ночей под страхом смерти*

Прошло два дня, прежде чем я решилась пойти на Торговую, в ближайшее отделение полиции, чтобы, как требовал хозяин постоянного двора, зарегистрировать паспорт.

Там была очередь. Люди сидели в коридоре на деревянных стульях. Спросив, как водится, кто крайний, я тоже села на освободившийся стул. Рядом разговорчивая соседка. Она тараторит и тараторит – рассказывает о себе, о муже, о родственниках. Но мне не до нее и, тем более, не до ее мужа и родственников.

«Давно я не видела сестренку, – слышу вполуха. – Живет она недалеко, но я никак не выберусь к ней. Вы бывали в Тирасполе?»

«Нет, не бывала», – отвечаю.

И тут меня вдруг осенило: это спасение!

Я поворачиваюсь к ней и говорю совсем не то, что хотела: *«Нет, не бывала. Но я как раз собираюсь в те края. Мой муж попал в плен, я еду его искать».*

«Ой, как хорошо! – волнуется соседка. – Если будете там, так, может, зайдете к моей сестре? Передадите привет от Люси. Люся это я, а сестру зовут Нина. Знаете, как она обрадуется? Нина с семьей живет на Колкотовой Балке, недалеко от Тирасполя, километров пять будет. Спросите Шесточенков – Нину или Мишу. Их все кругом знают».

Так, совершенно случайно, я узнала адрес семьи Шесточенко.

Подошла моя очередь. Я вошла в кабинет.

Девушка-регистратор взяла в руки паспорт и...

«Мне знакома ваша фамилия, – говорит. – Мне даже кажется, что я вас где-то встречала. Вы жили в Кишиневе на...»

«...на Красноказарменной», – поторопилась я подсказать.

«Так вы же Елизавета Федосеевна, моя землячка и соседка! Я жила на этой же улице рядом с кинотеатром!»

Я обомлела, сейчас регистраторша спросит название кинотеатра, а я его, конечно, не знаю.

А может никакого кинотеатра там не было?

И это просто проверка?

Но девушка, кажется правда, обрадована встрече и продолжает разговор, приобретающий опасный характер.

Я постаралась пресечь его и обратилась к «землячке»: *«Моя дорогая, я очень спешу – меня ждет дома больная матушка и ребенок. Их нужно покормить».*

«Елизавета Федосеевна! Ну что ж вы раньше-то не сказали? Все в порядке, только заплатите пять марок за регистрацию, и вы свободны. Всего вам хорошего!»

И с шумом дохнув на печать, «землячка» шлепнула ею по поддельному паспорту.

Выйдя из полиции, я вынуждена была прислониться к стене, чтобы не упасть.

Но времени на «успокоение» не было. Нужно было как можно быстрее вернуться на постоянный двор и предъявить паспорт хозяину.

Все остальное потом.

Потом можно будет думать о том, что делать дальше.

От Янкале: «Она жидовка!»

Одесса. 17 января, суббота Постоялый двор на Приводе 95 дней и ночей под страхом смерти

Уходя утром в полицию, мама строго-настрого приказала нам сидеть тихо и никому не открывать дверь. Ни при каких обстоятельствах.

Мы с бабушкой старались не шуметь, и каждый из нас, в меру своего воображения, рисовал себе всевозможные несчастья, которые могли произойти с мамой.

Время приближалось к полудню.

Ожидание было нестерпимо.

Но вот на лестнице послышался шум – голоса, топот ног. Раздался условный стук в дверь. Это была мама.

Но что это? Она была не одна. За ней стоял полицейский и еще один незнакомый мужчина в штатском.

Наша маленькая комнатка не могла вместить всех пришедших.

Полицейский вошел вслед за мамой. А мужчина остался стоять в дверях. Выглядел он рассерженным. Он размахивал руками, тыкал огромным пальцем в маму и кричал визгливым голосом по-русски: «*Она жидовка! Жидовка! Я ее знаю! Она работала в больнице!*»

Румын кивнул головой и со словами: «*бинэ-бинэ*» – «*хорошо-хорошо*» вытолкнул мужчину в коридор и закрыл за ним дверь. В это время мама, делая вид, что достает паспорт, порылась в сумочке и сунула «что-то» румыну в руку.

Немного подумав, полицейский спрятал это «что-то» в карман и, не говоря ни слова, повернулся и вышел из комнаты.

Мама перевела дух: «*Этот в штатском – шофер из нашей больницы. Он встретил меня на улице и узнал. Позвал полицейского. У меня не было выхода, пришлось привести их сюда. Я сказала, что покажу им здесь паспорт*».

Мама начала собирать вещи: «*Теперь нельзя терять ни минуты. Шофер может вернуться. Янкале, бежим скорее! Мама, догоняй нас. Мы будем ждать тебя у входа на Привоз*».

Мы бросились бежать. Спустились по лестнице, прошли через двор, и вот мы уже на улице. Еще немного и мы у входа на Привоз. Ждем бабушку.

Главное не встретить шофера.

Но бабушка... Ее что-то долго нет.

А если ее уже схватили?

Уйти без бабушки мы не можем. Но и вернуться на постоялый двор, чтобы узнать, что с ней, нельзя.

Что делать?

Но вот показалась бабушка! Спешит, вязнет в снегу.

Она одна. Никто ее не преследует.

Скорее, скорее бежать. Но куда?

Мама решается вновь попытаться уехать из города.

На этот раз в какую-то Колкотовую Балку...

От Янкале: «Фриг, бабушка?»

*Одесса, 17 января 1942 г., суббота Дорога на
Тирасполь 95 дней и ночей под страхом смерти*

Уже совсем стемнело. С хмурого неба сыплет мелкий снег. Ветер подхватывает его, закручивает в спираль и гонит по обледеневшей земле.

На краю дороги, по которой идут румынские грузовики, стоят три замерзшие фигуры – мама, бабушка и я. Мы стоим и надеемся, что какой-нибудь грузовик довезет нас до Колкотовой Балки, о которой мама сегодня утром случайно узнала от какой-то Люси. Эта Колкотовая Балка теперь наша последняя надежда.

Тускло светятся фары проезжающих мимо грузовиков. Мама поднимает руку, но никто не останавливается.

Мы начинаем терять надежду уехать, а возвращаться нам некуда. Остается только развалка. Правда, ночевать в развалках опасно, могут обнаружить жандармы, да и замерзнуть можно.

Но вот возле нас останавливается румынский военный грузовик.

Водитель опускает стекло

«Ундэ? – Куда?» — кричит он.

«Тирасполь! Тирасполь! Колкотова Балка», – кричит ему в ответ мама.

«Бани естэ? – Деньги есть?» – «Естэ, естэ!»

«Бинэ, фортэ бинэ! – Хорошо. Очень хорошо».

Водитель выбирается из кабины, открывает задний борт грузовика, и мы с его помощью забираемся в кузов.

К нашему ужасу, кузов полон румынских солдат.

Правда, кажется, они настроены дружелюбно – в темноте, наверное, нас не разглядели.

Усаживаемся на дно у заднего борта.

«Дэй друмул! – Поехали!» — кричат солдаты водителю и стучат по крыше кабины. Грузовик трогается с места.

Солдаты дают нам кусок задубелого от мороза брезента, чтобы укрыться.

«Фриг, баб-у-шка? – Холодно, бабушка?» — спрашивает один из них.

И сам отвечает: «Фортэ рэсэ. – Очень холодно...»

Едем. Холодный ветер морозит щеки, вырывает из рук брезент. Кончики пальцев деревенеют.

Где-то в степи грузовик вдруг останавливается.

Навстречу нам движется колонна немецких машин и тоже вдруг останавливается. Что-то произошло. Образовался затор. Крики, ругань. Ревут моторы. Слепят мощные фары.

Вокруг немцы, а мы посреди степи на румынском военном грузовике?!

Сжались под брезентом, не шевелимся, не дышим.

Но вот немецкая колонна прошла, и мы снова едем.

Наконец где-то вдали появились мигающие огоньки.

На спуске, у моста, водитель останавливает грузовик и вылезает из кабины.

Через несколько минут сообщает нам: «Аичи! – Здесь!»

Приехали. Водитель открывает борт. Мы с мамой спрыгиваем на снег. Солдаты помогают бабушке выбраться из кузова. Мама сует водителю плату за проезд.

«Спаси Христос!» – на всякий случай говорит на прощанье бабушка.

«Санататэ. – Здравья», – отвечает водитель.

По глубокому снегу пробираемся на свет из окошка ближайшей избы.

Стучимся.

«Чего надо?» — спрашивает сиплый мужской голос.

«Не знаете, где тут Шесточенки живут? Мы приехали к ним!»

Слышно, как падает тяжелый крюк запора.

Дверь открывается.

«Как не знать Шесточенков? Мы всех тут знаем, кто живет. Только далеко это, ночью не найдете. Заходите, переночуете у нас, а завтра утром, Бог даст, я отвезу вас к ним».

Входим в тепло натопленную хату. В углу перед иконой, покрытой рушником, мерцает лампадка. Вкусно пахнет свежее испеченным хлебом.

«Попейте чайку, согреетесь. Замерзли, небось, — говорит пожилая хозяйка. — Откуда так поздно?»

«Мы с Одессы. — отвечает ей мама. — Машина поломалась, думали не доедем». И снова рассказывает историю про мужа, попавшего в плен где-то в районе Тирасполя.

Хозяйка вздыхает. Сочувствует.

Попили чаю. Устраиваемся на ночлег.

Утром хозяин отвезет нас к Шесточенкам...

«Отче наш»

В 1944-м, после освобождения Одессы, Тася прилагала огромные усилия, чтобы узнать что-либо о судьбе Нору и Эрика. Особенно настойчиво она искала ребенка, считая, что смысленный малыш мог каким-то образом выжить.

В поисках Эрика она объезжала детские дома, где содержались еврейские сироты, и добралась даже до Березовки. В этом детском доме, по слухам, был мальчик, утверждавший, что его фамилия «Эриксен».

Именно эта фамилия и обрадовала Тасю – она надеялась, что Эрик, все еще плохо выговаривающий слова, мог на вопрос о фамилии ответить: «Эрик Шер».

А прозвучало это, как «Эриксен».

Однако поездка оказалась напрасной. Белоголовый кареглазый Эриксен ничем не напоминал черноволосого кудрявого Эрика.

Значит, опять тупик...

Нора с ребенком и бабушка Ида как в воду канули – никто их не видел и о судьбе их не знал.

И вдруг, неожиданно, одна из многочисленных знакомых рассказала Тасе, что Нору, оказывается, все-таки видели!

Но не в гетто на Слободке, как можно было предполагать, а неподалеку от ее дома, в скверике на Преображенской, в том самом месте, где на пути к Пересыпи 12-й номер трамвая, скрипя, делает крутой поворот с Преображенской на Софиевскую.

Нора сидела в скверике на скамейке, прижимая к себе ребенка, и оба они были густо засыпаны снегом. Но шедшие в гетто евреи узнали ее по огромной светло-коричневой шубе из меха обезьяны. Ошибки быть не могло – эту шубу, по словам знакомой, знала «вся Одесса». Такие шубы были в Одессе только «у двух барышень Тырмос» – Нору и Таси. Как вы, наверное, помните, доктор Тырмос привез их из Парижа.

Да вот еще, спохватилась знакомая, в принципе эту «историю про Нору» описал даже один наш одессит Валентин Катаев – он приезжал сюда в 44-м после освобождения, встречался с выжившими евреями и много таких историй насобирал.

Рассказ Катаева «про Нору» назывался «Отче наш». Имя женщины в нем не называлось, но, как утверждала знакомая, Нора там «вполне узнаваема».

И снова начались поиски. Теперь Тася искала рассказ Катаева под названием «Отче наш». И каково же было ее удивление, когда она поняла, что найти его практически невозможно – изданный вскоре после войны в каком-то сборнике, он в дальнейшем не переиздавался, а для ознакомления с ним в читальном зале Одесской научной библиотеки им. Горького требовалось специальное разрешение. Запрещен он был, что ли?

Прошли годы. Наступили другие времена.

В 2005-м мы часто бывали в Москве. В издательстве «ОЛМА-ПРЕСС» вышла наша книга «Сталин. Тайный сценарий войны», и мы презентовали ее на различных форумах, а в свободное время торчали в «Ленинке», собирая материал.

И вот однажды, как-то даже нечаянно, в наших руках оказался потрепанный томик рассказов Катаева, выпущенный издательством «Художественная литература» в 1946-м. И там, в этом сборнике, на 573-й странице... вы не поверите!.. рассказ под названием «Отче наш».

Был ли этот рассказ «историей Нору»? Трудно сказать...

Да, речь шла о женщине-еврейке с 4-летним мальчиком, которая должна была в этот проклятый день, 11 января 1942 года, как все евреи Одессы, идти на Слободку, в гетто, но не пошла.

Да, одета была эта женщина в шубу из меха обезьяны. Катаев пишет: «из искусственной обезьяны», не предполагая, как видно, что эта шуба могла быть из дорогого натурального меха.

Да, сидела она, эта женщина в шубе из меха обезьяны, на скамейке в парке, прижимая к себе ребенка, и была вся запорошена снегом.

Все это очень похоже на историю Норы.

Нора, видимо, тоже не пошла в гетто, и именно потому ни ее, ни Эрика никто не встречал на Слободке.

Когда жандармы вытолкнули ее с ребенком за ворота дома, она, наверное, просто пошла по улице, не очень-то понимая куда. Идти было трудно. Шуба была тяжелая. Снег глубокий. Нестерпимо болела поясница. Ребенок плакал. И когда она наконец увидела знакомый сквер на Преображенской, он показался ей спасением. Даже не счистив снег со скамейки, она села и, наверное, вопреки всему, успокоилась, перестала плакать, усадила рядом с собою Эрика, прижала его к себе и... заснула.

Но рассказ Катаева – это не историческая хроника, а литературное произведение, и потому он не лишен, скажем так, некоторых несообразностей.

Так, например, евреи Одессы идут в гетто, устроенное почему-то не на Слободке, а на Пересыпи. Женщину с ребенком из дома не выгоняют, она выходит по своей воле и, не желая идти в гетто, часами кружит по городу, в тяжелой до пят шубе, в валенках и с чемоданом, неся на руках (?) 4-летнего мальчишку, тоже одетого в шубу и обутого в валенки. Невероятно!

Мальчик, естественно, хочет есть, и мать заводит его в кафе «Молочное», где он пьет любимый свой кефир, заедая бубликом.

Ну, это еще невероятнее!

Кафе «Молочное», кефир и бублики – в Одессе в январе 1942-го?!

Мы и слов-то таких: «кефир и бублики» – не знали.

Нет, слово «бублики», пожалуй, все-таки знали.

На углу Петра Великого и Коблевской когда-то стояла толстая тетка в белом халате с большой, тоже белой, корзиной.

В этой корзине были... бублики! Горячие с поджаристой хрустящей корочкой, обсыпанной «семитатями».

Но было это давно, в другой реальности, которая называется «до войны».

Потом эта тетка куда-то исчезла, а с ней пропали и бублики.

Пропали, да так никогда и не возвратились. И нет их сегодня нигде в мире, как нет и нашего довоенного детства...

По Катаеву, женщина сидит на скамейке в парке Шевченко. Но после взрыва на Марзливской парк был закрыт для гражданского населения, а в эти январские дни и войти туда невозможно было. Тем более невозможно, чтоб по его заваленным снегом аллеям по утрам разъезжал грузовик, «собирая трупы замерзших евреев».

Ну, кого, скажите на милость, интересовали трупы евреев, валявшиеся в этом заснеженном парке? Их-то и в центре в те дни не очень-то собирали.

ИЗ РАПОРТА РУМЫНСКОГО ЧИНОВНИКА

25 января 1942 г.

В районе заставы, на Старом базаре, между Александровским проспектом и Успенской улицей, на Слободке и по дороге к Слободке валяются трупы замерзших евреев, некоторые трупы окровавлены...

Здесь, конечно, неуместно говорить обо всех несообразностях рассказа Катаева. Особенно потому, что, несмотря на несообразности, этот рассказ потрясает, и не случайно в советские времена его не переиздавали.

Женщина в шубе из меха обезьяны и ее маленький сын замерзли в парке на скамейке, как замерзали в те дни многие наши близкие и родные, как замерзла бедная Циля – тетя Янкале...

В архиве института Яд-Ва-Шем хранятся множество актов на так называемых «замороженных». В акте № 23 речь идет о 90-летней старушке из дома № 100 по улице Внешней, фамилию которой «не удалось установить». Как указывается в акте, «старуху выгнали из квартиры, раздетой» и она «провалялась всю ночь возле садика». В акте № 24 речь идет о «массовом замерзании». Из дома № 33 по улице Средней и дома № 27 по улице Разумовской были выгнаны 14 человек, семеро взрослых и пятеро детей. Все они замерзли.

Катаев: *«Уже рассвело. Сквозь голубые и синие облака пара и инея хрупко просвечивала розовая заря. Она была такая холодная, что от ее розового цвета сводило челюсти, как от оскомины.*

На улице показалось несколько прохожих. Они шли в одном направлении...

В это утро со всех концов города медленно тащились люди, как муравьи с ношей. Это были евреи, которые шли в гетто...

Они скользили по обледенелым тротуарам, а некоторые падали и оставались лежать, прислонившись спиной к фонарю...

Они шли мимо закрытых дверей и ворот, мимо дымных костров, у которых грелись солдаты...

Мороз был ужасен... На мостовой лежали твердые воробьи, замерзшие на лету... Море тоже замерзло до самого горизонта. Оно было белое. Оттуда дул ветер...

Евреи шли...

Вот так, обреченно, как в августе 1941-го шли евреи Николаева на еврейское кладбище, а в сентябре 1941-го евреи Киева в Бабий Яр. Так, как шли в октябре 1941-го евреи Одессы на Дальник, евреи Мариуполя – к агробазе имени товарища Петровского, евреи Ростова в Змиевскую Балку...

Евреи шли...

По словам Катаева, в это утро в Одессе из уличного репродуктора раздавалось вдруг громкое «Ку-ка-ре-ку!!», и нежный детский голос торжественно прочел молитву: *«Отче наш, иже еси на небесах! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое...».*

Какое святотатство – молитва Господня в такой час...

Трудно сказать, был ли рассказ «Отче наш» рассказом о Норе.

Да это и не важно...

Нора была не единственной. Было много таких еврейских женщин, замерзших на скамейках в парках и скверах Одессы, любовно насаженных еще дюком де Ришелье. Замерзших там, на тех самых скамейках, где они привыкли сидеть летними вечерами, любясь своими резвящимися на зеленой траве малышами.

Нора, скорее всего, тоже замерзала в тот день, прижимая к себе ребенка, в скверике неподалеку от дома.

А мимо, узнавая и не узнавая ее, шли евреи.

Нет, они не окликали ее и не здоровались с ней. В тот черный день никто никого не окликал и никто ни с кем не здоровался.

В тот черный, белый от снега, день евреи Одессы шли в гетто...

Евреи шли...

Действие девятое: «TRENUL-DRIK»

*Гудок, как уголь раскаленный,
Жжет сердце. Ужас и печаль.
И поезд смерти, нагруженный,
Летит в неведомую даль.*

Лев Розецкий, узник Доманевки, ученик 8 класса школы № 47

Декларация Объединенных Наций

*Вашингтон, 1 января 1942 г., понедельник
Белый дом 88-й день трагедии евреев Одессы*

Мы должны не надолго покинуть «Город Антонеску» и перенестись в Вашингтон, где, как нам кажется, могло еще произойти нечто такое, что спасло бы от смерти 40 тысяч оставшихся в живых евреев Одессы.

Но сначала давайте вспомним о «Trenul-Drik».

О чудовищном поезде, увозившем на смерть евреев румынского города Яссы.

Теперь «Поезд-Гроб» снова в действии.

Теперь он увозит на смерть евреев Одессы.

И снова весь мир молчит.

Как молчал тогда, в июне 1941-го. Как молчал он все эти долгие страшные месяцы, когда на всех захваченных варварами территориях шла кровавая бойня.

И только не говорите нам, господа правдолюбцы, что «мир не знал».

«Мир» знал!

Да «мир» и не мог не знать – ведь слишком открыто внаглую все это делалось.

Задолго до введения в действие лагерей смерти слухи о вопиющих преступлениях нацистов достигли всех стран мира, проникли во все слои мировой общественности. Пока наконец 1 января 1942 года в Вашингтоне 26 государств не подписали некую совместную декларацию.

Этот знаковый документ, под которым поставили свои подписи президент США Франклин Рузвельт и прибывший специально для этой цели в Америку премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, будет назван «Декларацией Объединенных Наций», а само собрание стран, подписавших его, станет предтечей ООН⁸.

Текст декларации сочинил сам уважаемый мистер Черчилль, а словосочетание «объединенные нации» предложил не менее уважаемый мистер Рузвельт, позаимствовав его, кстати, у лорда Байрона: «Здесь, где сверкнул **объединенных наций** меч, мои сограждане непримиримы были, и это не забудется вовек...».

Как вспоминает Черчилль, в тот праздничный день, 1 января нового 1942 года, в овальном кабинете Рузвельта был сервирован завтрак, и они оба, президент США и премьер-министр Великобритании, вместе с представителями СССР и Китая, между яичницей с беконом и кофе со сливками подписали этот важнейший документ.

А затем уже госдепартамент США собрал подписи остальных 22-х стран.

---

⁸ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война: в 6 томах. М.: ТЕРРА, 1997.

Нет, конечно, в «Декларации Объединенных Наций» не было упоминания о трагедии, постигшей еврейский народ, и тем более о трагедии евреев Одессы.

И все же, и все же...

Каким-то образом в текст ее вкрались два слова... всего два слова!.. имеющие вроде бы отношение к этой трагедии.

Это были слова: **«свобода религии»**.

Декларация утверждала, что победа над нацизмом необходима не только для «защиты жизни, свободы, независимости», но и для защиты **«свободы религии и для сохранения человеческих прав и справедливости»**.

Это все...

Все, что «позволили себе» сказать о вопиющих преступлениях нацистов два самых могущественных человека планеты – Рузвельт и Черчилль.

Но почему?

Почему об этих преступлениях нельзя было заявить прямо?

Что заставило их, этих «великих мира сего», ограничиться таким, скажем прямо, туманным обязательством бороться за **«свободу религии»**?

Непонятно...

И еще более непонятно, почему даже это, невнятное, обязательство испугало представителя СССР Максима Литвинова.

Снятый Сталиным в 1939-м с поста народного комиссара иностранных дел еврей Литвинов после начала войны вновь оказался «нужным» и был направлен в Вашингтон.

Ознакомившись с проектом декларации, многоопытный посол тотчас же обратил внимание на выражение **«свобода религии»** и, хорошо зная своего «хозяина», наотрез отказался подписывать такую «крамолу».

Вспоминает Черчилль: *«Президент приложил самые энергичные усилия, чтобы убедить советского посла Литвинова согласиться на включение в текст выражения «свобода религии»*. Литвинов с явным страхом и трепетом сообщил о требованиях **«свободы религии» Сталину...**» [Выделено нами. – Авт.]

Литвинов «со страхом и трепетом» доложил Сталину, и Сталин, видимо, посчитав, что отказываться от подписания декларации в этом случае было бы «слишком», разрешил подписать.

Так завуалированный «еврейский вопрос» все-таки «проник» в декларацию, что, к сожалению, «не испугало» ни Гитлера, ни Антонеску и никак не помогло евреям.

Правда, сама декларация, продемонстрировавшая редкое единодушие двух десятков государств, поразила весь мир.

Нацистская пропаганда изо всех сил старалась принизить ее значение, называя вашингтонскую встречу «конференцией неудачников» и связывая ее с безвыходным, якобы военным и финансовым положением антигитлеровской коалиции.

Все прислужники бесноватого фюрера тоже, естественно, поспешили выразить свое негативное отношение к этому документу, и даже такое заштатное издание, как наша «Одесская газета», поместило на первой странице карикатуру на вашингтонскую встречу, где, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, изображен Литвинов, вымаливающий у союзников «кусочек хлеба».

Сталин был поражен эффектом, вызванным декларацией, и весьма недоволен второстепенной будто бы ролью, которой ему в данном случае пришлось удовольствоваться. Вот и на карикатуре в «Одесской газете» кресло, украшенное серпом и молотом и явно предназначенное для Сталина, пусто, а под «Декларацией Объединенных Наций», рядом с именами Рузвельта и Черчилля, «красуется» подпись второразрядного советского чиновника да еще еврея – Литвинова.

Вождь всех времен и народов принимает решение лично включиться в борьбу за «сохранение человеческих прав и справедливости». А заодно уж и за **«свободу религии»**, так как замалчивание зверств нацистов против людей «иудейского происхождения» на территориях СССР становится, по меньшей мере, странно.

Так, 6 января 1942 года, через четыре дня после подписания «Декларации Объединенных Наций», на первой странице газеты «Правда» появилась та самая нота Вячеслава Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях».

Нота Молотова, подготовленная, как всегда в таких случаях, самим Сталиным, достаточно объемна. Она занимает 13 страниц машинописного текста и состоит из шести пунктов.

Первый, и видимо, главный для Сталина пункт касается ограбления населения.

В следующих трех рассматриваются вопросы разрушения городов, установления рабско-крепостнического режима и разрушение национальной культуры народов СССР.

И только пятый по счету пункт посвящен зверствам нацистов над мирным населением. В этом, пятом, пункте, между прочим, говорится и о массовом уничтожении евреев.

Символично, не правда ли, вот он снова – незабываемый наш «5-й пункт»!

Из 13 страниц ноты убийству евреев посвящено... аж!.. 35 строк.

В этих скромных строках «уместились» и Киев, и Львов, и Мариуполь, и даже наша Одесса. И Молотов не просто назвал эти города, но и число уничтоженных в каждом из них, добавив, что это «по неполным данным».

Картины убийства евреев выписаны с удивительной точностью, но, знаете, они как-то не поражают воображение.

Эти ужасные картины тонут в обилии подробностей многостраничной ноты – в названиях деревень, в именах и фамилиях ограбленных граждан, в цифрах отобранных у них свиней, кур, гусей, валенок, платков и теплых кальсон:

«По 15 сельсоветам Дзержинского района Смоленской области оккупанты похитили 2554 лошади, 1178 коров, 334 свиньи, 5710 кур.

И, кроме того, из имущества личного пользования забрали 2027 коров, 2138 свиней, 5297 овец, 44 159 кур, а также 5477 пар вяленых сапог. 5208 теплых платков, 3299 пар мужского белья...»

И так далее, и так далее, на 13 страницах.

Создается какое-то странное впечатление, что по сравнению с этими «невероятными преступлениями»... вяленые сапоги, мужское белье!.. незначительные, как будто бы, убийства евреев не так уж страшны.

Есть в нашей древней Торе выражение: «*דַּם הַבְּרִיָּה יָרֻחַ*!» – «*Их кровь разрешена!*»

Нота Молотова, опубликованная 6 января 1942 года в газете «Правда», ничего не изменила. Наша кровь по-прежнему «разрешена».

И уже 11 января всех оставшихся в живых евреев Одессы согнали на Слободку, а на следующее утро, 12 января, в действие вступил «Trenul Drik»...

День первый – день последний

12 января 1942 года, понедельник

Первое утро в гетто.

Тяжелые снежные облака нависли над Слободкой, прижали ее к бурой от крови земле. Ветер раскачивает обледенелые ветви деревьев, рвет обледенелые провода.

Мороз не падает. Все еще минус 30 по Цельсию.

Те, кто добрался сюда вчера к вечеру и остался на ночь под открытым небом, уже не проснутся. А те, кто нашел себе жалкое пристанище и забылся коротким сном, с ужасом увидит это утро.

Утро, еще более страшное, чем ночь.

Первое утро в так называемом гетто.

С раннего утра жандармы хватают евреев. Всех, кто попадает под руку. Вначале, конечно, тех, кто на улице.

Люди пытаются вырваться, убежать или, быть может, как-то договориться, откупиться. Еще один день пробыть здесь, в этом ужасе, на Слободке. Еще один день прожить.

Они уже начали понимать, что гетто – это еще не самое страшное. Самое страшное впереди...

На улицах Слободки крики, выстрелы, площадная брань...

И надо «отдать должное» румынам – депортация организована снова как военная операция. Общее руководство осуществляет сам глава Центральной комиссии по эвакуации, гражданский претор, полковник Матеи Вильческу. Отправкой евреев из гетто занимается наш старый знакомый, подполковник Михаэль Никулеску-Кока. И наконец, прием евреев на станции Березовка осуществляет генеральный инспектор администрации Транснистрии, домнуле Константин Чиуря.

Формирование и сопровождение конвоев тоже прекрасно организовано. Над евреями измываются не солдаты, не полицейские и даже не обычные жандармы, а Военная жандармерия – убийцы, облаченные в особую серо-зеленую форму с синими повязками на рукаве, украшенными буквами «МЈ».

Первое утро в гетто...

Жандармы спешат.

«Рэпэдэ! Рэпэдэ! Футус мама луй! – Быстрее! Е... твою мать!»

Пойманных сгоняют в здание школы № 98 на «санитарную обработку».

Регистрируют, обыскивают, забирают последнее и... в путь.

Жандармы спешат.

Спешат обрадовать Бухарест. Спешат доложить о начале депортации.

РАПОРТ ПОДПОЛКОВНИКА НИКУЛЕСКУ

12 января 1942 г.

Из Одессы в Березовку депортировано 856 жидов. В большинстве стариков, женщин и детей. Аресты в черте города, перегон во временное гетто на Слободку и депортация в Березовку продолжаются.

Военный претор, подполковник М. Никулеску-Кока

[Здесь и далее рапорты румынского командования цитируются по сборнику М. Сагп «CARTEA NEAGRA». Bucaresti, 1947. Перевод наш. – *Авт.*]

Первый конвой из гетто – 856 человек.

Местные жители провожают его молчаливыми взглядами.

Знают – евреев гонят на смерть.

Из дневниковых записей Андрея Недзвецкого: *«Таких морозов Одесса никогда не знала... Месяц простояла одна и та же невероятная для юга температура – 30 градусов... Я все время думаю о евреях, выселение которых из города началось буквально накануне вот этих тридцатиградусных морозов. Морозы застали их в пути и, наверное, прикончили очень многих из числа тех, кого минула конвоирская пуля. По-прежнему никто не верит в создание где-то в области еврейского гетто.*

Людей вывели из Одессы на уничтожение. И мороз помог оккупантам прикончить тысячи без применения оружия. Как могли двигаться, не падать и не гибнуть на морозном степном ветре дети, слабые женщины, больные старики...»

Иосиф Каплер вспоминает: *«Женщины, мужчины, дети идут строем, в затылок друг другу. У каждого на плечах котомка. У многих на руках грудные дети. Идут, опустив головы. Если кто сбивается с ноги, подбегает румынский солдат – и нагайкой по голове... Количество замерзших людей в гетто тоже увеличивается с каждым днем. По три, по четыре, а иногда по десятку на квартал, они лежат без обуви, без верхней одежды, как дрова, занесенные снегом. Иногда из сугроба торчат только ноги или голова...»*

По рапортам Никулеску, 13 января 1942 года в Березовку было отправлено 986 человек, а 14 января – 1201.

В тот же день, 14 января 1942 года, был наконец обнародован Приказ № 35, тот самый приказ о депортации, который Александру подготовил еще 2 января и который пришлось «спрятать» до того дня, пока «эти жида» не будут согнаны в одно место.

Теперь, когда большая часть оставшихся в живых сконцентрирована на Слободке и более 3000 уже депортировано, необходимость в утаивании приказа отпала.

В нашем архиве хранится уникальный документ – экземпляр приказа № 35, снятый с афишной тумбы. С трепетом дотрагиваемся мы до этого выцветшего от времени зеленоватого листка, на оборотной стороне которого еще сохранились следы клея.

Есть у нас и ксерокопия «Одесской газеты» от 14 января 1942-го с публикацией приказа. Этот номер газеты был особенно праздничным. Первую его страницу украшала фотография фюрера, открывавшая собой статью под многообещающим заголовком «Я знаю только победу».

А на последней странице особый подарок одесситам – маленькое «извещение», доводящее до сведения граждан, что настал час «дележа добычи». Теперь еврейские квартиры, мебель и «другие вещи» – все то, что с первых дней оккупации растаскивалось втихомолку, можно получить вполне официально.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Доводится до сведения всех граждан, что по делам о предоставлении квартир и комнат надлежит обращаться непосредственно в Главное управление недвижимыми имуществами, находящееся на Ришельевской ул. № 4, а по делам о предоставлении мебели и разных вещей – в Управление движимыми имуществами, находящееся по улице Маршала Антонеску (бывшая ул. Успенская).

И началась «Dolce Vita»!

Ну, подумайте только, из 600 тысяч жителей Одессы около 450 тысяч «исчезли» – частью ушли на фронт, частью эвакуировались, а частью были уничтожены или депортированы на смерть.

В городе к этому дню осталось около 140 тысяч жителей.

И этим 140 тысячам досталось «всё»!

Всё оставшееся «добро»: квартиры, мебель, посуда, ковры, картины, шубы, кастрюли, детские игрушки...

Было от чего потерять рассудок!

И люди действительно сходили с ума от такого неожиданно свалившегося на них богатства. Ну, не все, конечно, а самые «удачливые» и лишенные «комплексов».

Несмотря на мороз, на снег, на руины, в городе почти одновременно открылись 13 комиссионных магазинов, более 60-ти ресторанов и так называемых «бодег», 20 гастрономических магазинов, 10 кондитерских, 34 парикмахерских. А еще две гостиницы для приезжих из Бухареста и восемь заезжих дворов для крестьян, потянувшихся в Одессу с неизвестно откуда взявшимися разнообразными продуктами.

И даже такой порядочный человек, как Адриан Оржеховский, не участвовавший, как будто бы, в грабежах и не имевший, как будто бы, собственных сбережений, сподобился открыть... гастрономический магазин.

И, обратите внимание, в тот самый день, 11 января 1942-го, когда евреев Одессы начали гнать в гетто на Слободку!

ИЗ ДНЕВНИКА АДРИАНА ОРЖЕХОВСКОГО

«11 января 1942 года. Сегодня знаменательный для нас день: открытие нашего магазина... Публика валом валит, одни, как всегда, критикуют, а меньшее число покупает.

На нашей улице пока еще нет ни одного такого магаз. Надеемся получить разн. предметы от государства, но там польза весьма ничтожна.

Наш магазин очень чистенький, имеет весьма опрятный вид. Для большей торжественности повесили икону Николая Чудотворца. Словом, все честь честью...»

Живые и мертвые

Одесса празднует!

Стыдно сказать, Одесса празднует «избавление» от евреев?!

Да разве «такое» могло прийти в голову дюку де Ришелье или графу Воронцову?

Правда, не все еще в городе так хорошо, как хотелось бы – тут и там еще прячутся последние недобитые жида.

Но зачистка идет! Военный претор «прилагает усилия», да и население не стоит в стороне – по мере сил помогает, «сигнализирует».

Так, в рапорте подполковника Никулеску от 14 января 1942 года, сообщается о выданном соседями еврее Исааке Фарине из дома № 29 по Тираспольской. Этот жид, находящийся в настоящее время под арестом, уклонялся от интернирования в гетто.

А между тем из гетто продолжается депортация: 15 января 1942-го – 1090 человек, 16 января – 1740, а 17-го – 1104.

ИЗ РАПОРТА № 76

Одесса, 17 января 1942 г.

Имею честь сообщить, что начиная с 12 января 1942 года идет депортация евреев из Одессы. Согласно приказу, изданному губернатором Транснистрии, жида, подлежащие депортации, собираются в гетто. Затем каждый из них проходит через комиссию, которая оценивает имеющиеся при нем драгоценности, а также производит обмен денег на германские рейхсмарки.

В гетто создаются конвои в 1500–2000 жида, которые сажают в немецкие составы и перевозят в район Мостовое-Васильево, Березовской области.

До настоящего времени было депортировано 6000.

Депортация продолжается ежедневно...

Из-за сильных морозов – температура воздуха доходит до минус 20 по Цельсию, а также из-за отсутствия пищи, из-за возраста и плохого состояния здоровья депортируемых многие падают на дорогах, где и замерзают...

По трассе прохождения остаются трупы, которые хоронят в противотанковых рвах. Для захоронения трупов используются местные жители, которые пытаются различными способами уклониться от таких работ.

О дальнейшем ходе операции буду регулярно информировать Генеральное управление.

Инспектор Жандармерии, полковник Броштяну

Полковник Эмиль Броштяну предельно точен – все так и было, в полном соответствии с прилагаемой к Приказу № 35 Инструкцией по эвакуации: «Эвакуация жида будет производиться пешком до станции Одесса-Сортировочная. Для стариков, женщин и детей, детей и багажа будут предоставлены Городской управой и полицией средства передвижения.

На станции Сортировочная эвакуируемые под стражей будут посажены в поезд и отвезены до Березовки. От Березовки они будут продолжать путь пешком...»

Все так и было.

Разве только... о «транспортных средствах» полковник не упоминает.

Да и откуда им взяться, этим «транспортным средствам»?

Какие-такие «транспортные средства» могли двигаться по заваленным снегом раздолбаным местным дорогам, когда температура воздуха доходит до минус 30?

Нет уж, пусть «эти жида» тащатся на Сортировочную пешком.

И они тащились.

Пешком. Более 10 километров.

По снегу, по льду. По залитому ледяной водой Пересыпскому перешейку.

Тех, кто не выдержит и упадет, добьет румынский приклад, прикончит пуля. Но путь их на этом не закончится. Их матери, жены поднимут трупы и, спотыкаясь и падая, потащат дальше. Надеюсь где-нибудь предать земле.

А может быть, уже ни на что не надеюсь.

А может быть, просто уже не зная, где теперь эта тонкая грань, кто тут живой, а кто мертвый.

Живые и мертвые пойдут дальше.

Но вот наконец и он – перрон железнодорожной станции Одесса Сортировочная. Страшный бесстыдный перрон, усеянный потерянными калошами, разорванными подушками, детскими игрушками.

И «Поезд-Гроб» у перрона...

И вонючие вагоны для скота. Мало, мало, вагонов. Немцы, «футус мама», жадничают, тянут с поставками...

Людей загоняют в вагоны.

Обледенелые трупы втискивают туда же, стоймя, рядом с живыми...

18 января 1942 года «Поезд-Гроб» вывез в Березовку 1293 еврея.

Один из румынских жандармов, сопровождавших этот состав, вспоминает:

«Эта зима была такой ужасной, какой может быть зима только в России. Огромные сугробы снега покрывали землю, куски льда висели на телефонных проводах, на ветках деревьев, на подбородках людей. Безумный ветер гнал по небу огромные угрожающие облака...

На железнодорожную станцию пригнали около 1200 женщин, детей и стариков. Их ожидали 10 товарных вагонов, то есть 120 человек на вагон. На каждом из вагонов надпись: «8 лошадей или 40 человек».

Но мы погрузили 120. Втиснули.

Во время погрузки умер один старик и три женщины.

Их трупы мы тоже втиснули в вагон.

Стемнело. И вдруг раздался какой-то странный звук, как будто стекло упало на бетон и разбилось. Это из рук матери выпал обледенелый грудной ребенок.

Выпал и разбился. Вдребезги. Мать, как видно, сошла с ума. Кричала, плакала, царапала ногтями лицо. Ее пристрелили...»

А «Поезд-Гроб» между тем испускает рвущий сердце гудок и, скрежеща обледенелыми буферами, медленно движется в путь...

Мертвые станут пеплом

От станции Одесса-Сортировочная до станции Березовка чуть больше 80 километров, несколько часов пути.

Но «Поезд-Гроб» будет тянуться и день, и два, и три.

Погромыхает, постучит по рельсам и остановится – дорога тяжелая, рельсы засыпаны снегом, а немцы, мало что не дают вагонов, еще и уголь для паровозов дают самый паршивый.

Дорога тяжелая, и кажется, ей не будет конца.

Трудно в это поверить, но втиснутые в вагоны люди совершают свой смертный путь... стоя.

Тесно прижатые друг к другу.

Тесно прижатые к трупам, втиснутым вместе с ними на Сортировочной. Тесно прижатые к умирающим, испускающим свой последний вздох здесь, сейчас, в эту минуту...

День сменяется ночью. Люди этого не знают, не могут знать – вагоны для скота не имеют окошек.

Но вот наконец и конечная станция... Березовка.

Сейчас жандармы раздвинут тяжелые двери.

Вытолкнут из вагонов живых.

Выбросят мертвых...

По сохранившимся документам, в поездах смерти, вывозивших евреев из Ясс, к моменту прибытия на станцию назначения обычно бывало более половины трупов.

ИЗ РАПОРТА НАЧАЛЬНИКА ЖАНДАРМЕРИИ

Тыргу-Фрумоз, 1 июля 1941 г.

«В поезде, прибывшем 1 июля 1941 года из города Яссы, было 2500 жидов, из них 1242 живых и 1258 мертвых.

Трупы зарыты на старом еврейском кладбище».

Тогда, в 1941-м, на станции Тыргу-Фрумоз мертвых евреев зарывали. Сегодня их уже не зарывают. Сегодня на станции Березовка их выбрасывают из вагонов, складывают штабелями прямо здесь, на бетонной платформе, обливают бензином и поджигают...

Щелкнет самодельная зажигалка, вспыхнет бензин, и алые языки пламени обнимут трупы, окрасят их своим отблеском, «оживят» на мгновение и снова отнимут у них жизнь, как будто одной смерти для «этих жидов» не достаточно.

Умирающих бросят в костер живыми.

Живыми бросят в костер и детей.

И будут они пылать на глазах безумных уже матерей.

Пока не обуглятся и не превратятся в пепел.

Часами будет гореть костер.

И местные жители, мобилизованные румынами для очистки путей от снега, будут греть руки у его огня. Им не впервой. Их не смущают корчащиеся в пламени тела, не отвращает запах горелого человеческого мяса. Они не раз уже видели, как сжигают жидов. Живых и мертвых.

Мертвые станут пеплом.

Живые пойдут дальше...

А завтра все повторится.

На станцию Березовка снова придет «Поезд-Гроб». Жандармы снова раздвинут тяжелые двери. И вытолкнут живых. И выбросят трупы...

И будет гореть костер. И местные жители, привыкшие к запаху горелого человеческого мяса, будут греть руки у его огня...

Подробности ужасны...

С каждым прошедшим днем Слободка пустеет: 19 января из гетто вывезли 1010 человек, 20 января – еще 926.

А в городе все уже знают о том, что происходит с евреями.

И нужно сказать правду: не все одесситы сочувствуют им.

Но даже и те, кто не очень сочувствует, в шоке от ужаса, что «такое» может произойти с «живыми людьми».

Встречаясь на Привозе, одесские «дамы» закатывают глаза и шепотом делятся «подробностями», сыплют ввевшимися в мозг словами: Сортировочная, Березовка, дети, костры...

Подробности действительно ужасны. Они потрясли даже Пыньтю, который все еще надеется, что однажды он сможет стать «настоящим» городским головой Одессы и войдет в историю.

Пыньтя пытается как-то «уменьшить» кошмар, который происходит в «его» городе, и пишет письмо губернатору Транснистрии Александру:

«Ваше превосходительство! Я Вас информировал, как устно, так и письменно, что эвакуация евреев несправедлива и бесчеловечна. Осуществление эвакуации в данное время – посредизимы – делает ее абсолютно варварской...»

Еврейское население не представляет опасности для Одессы, даже наоборот, евреи начали работать по благоустройству города. Никто из них не думает о подпольной деятельности или восстаниях...

Поскольку эта эвакуация уже свершившийся факт, делаю последнюю попытку спасти то, что можно еще спасти...»

Пыньтя просит Александру разрешить освободить от депортации три категории евреев: ремесленников, преподавателей университета и так называемых караимов.

Александру разрешил. Но исключительно караимов и только 1000 семей по специально составленному списку.

Между тем депортация в эти последние дни стала идти с перебоями. Словно сама природа хочет спасти людей – снегопады усилились, и снежные заносы мешают движению поездов.

ИЗ РАПОРТА ПРЕТОРСКОЙ СЛУЖБЫ

Одесса, 25 января 1942г.

*Транспортировка жидов в Березовку не производится из-за снежных заносов.

*Арестован жид Браубер Арсений, в возрасте 60 лет. За 15 минут до того, как его должны были взять на допрос, он повесился на ремне. Случай произошел в 9-м отделении полиции, которое проводит следствие.

*Продолжается охота на жидов в городе и интернирование их в гетто.

Военный претор, полковник М. Никулеску-Кока.

«Гулять» в гетто

25 января 1942 года, воскресенье

Прошло уже две недели с того черного дня, когда Нору с ребенком выгнали в гетто. Тася тогда, конечно, не знала всего того, что мы знаем сегодня, не знала, что Нору давно уже нет в живых, что вместе с маленьким Эриком она замерзла в садике на Преображенской. Тася была уверена, что Нора находится на Слободке и очень волновалась, что нет от нее вестей.

Между тем, почти ежедневно Эмилька приносила с Привоза «новости». В городе говорили, что румыны якобы решили «расформировать гетто» и всех находящихся там евреев колоннами гонят в Березовку.

Услышав о Березовке, Тася испугалась и приняла решение отправиться в гетто и вытащить оттуда Нору с ребенком и привести их в развалку к Эмильке.

Эмилька, на удивление, поддержала эту безумную затею. Хотя, конечно, понимала, что появление в развалке Нору с ребенком, а может быть, и старухи Иды, увеличит опасность провала.

А вот Изя как раз был категорически против. Он считал, что Тася не только не сможет вытащить мать и сестру из гетто, но и сама оттуда не вырвется.

Но Тася была непреклонна: она пойдет в это гетто и даже Ролли с собой возьмет.

Обязанная огромным Эмилькиным платком, Ролли поможет ей сойти за крестьянку.

Осталось уговорить Ролли, и Тася стала ей врать, что они идут на Слободку «гулять», что там они встретят Нору и Эрика, будут играть в снежки и спят огромную снежную бабу.

Услышав о снежной бабе, Ролли милостиво согласилась, и ранним утром 25 января 1942 года отправилась с Тасей в гетто на Слободку.

По странной случайности, это было в тот самый день, когда из-за снежных заносов «Поезд-Гроб» в Березовку не шел и депортация евреев не проводилась.

Иначе жандармы наверняка загнали бы эту «крестьянку» в очередной конвой и отправили в Березовку.

Так что на сей раз им просто повезло. Не найдя, естественно, своих родных в гетто, они сумели все-таки оттуда выбраться и остались живы.

О том, что видела Тася на Слободке, она никогда не рассказывала. А то, что запало в детскую память Ролли, существенно отличается от того, что там в действительности происходило.

От Роли: Кащей Бессмертный

Одесса, 25 января 1942 г., воскресенье Гетто на Слободке 103 дня и ночи под страхом смерти

Папа очень и очень сердился, но мы с Тасей все равно пошли гулять в гетто.

Там теперь живут все евреи, и мы там найдем тетю Нору, и бабушку Иду, и маленького Эрика, и мы с ним обязательно слепим из снега Снежную Бабу, и Тася нам поможет. Она обещала.

Жаль только, что Эмилька мне морковку для носа Бабы не дала. Сказала: нет морковки. А я видела, была у нее одна, маленькая. Лежала на подоконнике рядом с картошкой. Так мы и пошли с Тасей лепить Бабу без морковки.

На груди у Таси висит полочка из фанеры, а на ней иконка маленькая и коробочки с фитильками, кружочками такими из картона, которые зажигают под большими иконами. Вот и Эмилька зажигает, когда молится своему Боженьке.

Тася будет как будто бы продавать эти фитильки.

А я буду как будто бы ее дочка.

Тася будет кричать: «*Фитилька! Фитильки!*»

А я буду молчать. Все время. Даже если кто-нибудь о чем-нибудь меня спросит.

Даже если чужой солдат спросит. Я буду молчать.

На голове у Таси большой серый платок. Меня папа тоже, чтобы не холодно было гулять, закутал в Эмилькин платок.

Тася держит полочку с фитильками и не может вести меня за руку, так что я иду сама и держусь за кончик ее платка.

Слободка, оказывается, немножко далеко, и я уже даже немножко устала. Тася тоже, наверное, немножко устала.

Она все время кричит: «*Фитильки! Фитильки!*» — но совсем тихо, шепотом. И потому, наверное, эти фитильки у нее никто не покупает.

Но мы уже, кажется, пришли. Прошли под мостом, мимо страшных каких-то серых солдат и пришли на Слободку.

Тася сказала мне правду: здесь на улицах много детей гуляют. Но почему-то никто не играет в снежки и не лепит Снежную Бабу. А некоторые даже сидят или лежат. Прямо так, на снегу, и мамы их не ругают.

Тася уже не кричит: «*Фитильки!*» Она здоровается со всеми вежливо и спрашивает про Эрика и про Нору. Но никто разговаривать с ней не хочет. Все молчат и только головами взад и вперед мотают: нет и нет. Совсем, как лошадки.

Холодно. А мы все идем и идем по улицам. Заходим в какие-то домики. В какие-то халабуды. Я уже даже плакать начала.

И вдруг в одной халабуде кто-то как запищит: «*Тася! Тася Тырмос! Это вы? Боже мой, это вы! Идите, идите же скорее сюда!*»

Я обернулась и вижу, ой... В самом темном углу на огромном таком сундуке лежит... Кащей Бессмертный! Настоящий, настоящий Кащей!

Морда черная. Патлы белые. Нос крючком...

Ну, прямо как на картинке в моей старой книжке про Руслана и Людмилу. Ну, вы знаете: «*Там царь Кащей над золотом чахнет...*»

Только тот Кащей, на картинке, около сундука со своим золотом чах, а этот прямо на сундуке чахнет. В пальто, да еще одеялом закутан. Страшно...

Тася стала пробираться к нему. А я не хотела, тянула ее за платок.

«Не надо бояться, – сказала мне Тася. – Это мой кол-л-ле-га – адвокат».

Мы подошли, и Тася стала спрашивать Кащея-Адвоката о Норе.

Кащей сказал: *«Их здесь нет. Я здесь всех знаю. И меня все знают и уважают».*

«Еще бы не уважали, – подумала я. – Он бы их всех тогда съел».

Кащей, наверное, понял, о чем я подумала. Он вытащил из-под одеяла свою длинную-ю черную-ю ручи-шу-у и схватил Тасю.

«Их здесь нет! – запищал он громко так, шепотом. – Но это ничего. Спасите меня! Меня! Вы видите, в каком я пол-л-ло-женши. Меня совсем па-рал-л-лизовал-о. Вытащите меня отсюда».

«Пустите, пустите меня, – заверещала Тася. – Это невозможно. Я не смогу. Я не смогу вас вытащить. Я здесь с ребенком».

«Я вас не выпущу, – пищал Кащей. – Вы по-гиб-ните-е вместе со мной. И ребенок ваш погиб-нет, погиб-нет, погиб-нет...»

Тася теперь тоже, наверное, испугалась, потому что ойкнула так громко, вроде: *«Ой-й!»* или даже *«Ай-й!»* Выпустила из рук полочку с фитильками, вырвалась от Кащея, схватила меня, и мы с ней как ошпаренные, выскочили из халабуды и побежали по улице.

Полочка от фитильков болталась у Таси на шее и мешала бежать.

Тася сбросила ее на снег. Фитильки, правда, рассыпались еще раньше, когда она вырвалась от Кащея.

Мне кажется, что бежали мы очень долго, пока не остановились под мостом, где стояли эти страшные серые. Тася поговорила с ними на их непонятном языке, что-то вроде «мум-фрум», и мы побежали дальше. Бежали, бежали и прибежали опять на Софиевскую к папе.

Тася плакала. А я – нет.

А папа сказал: *«Все это бесполезно, их уже нет на земле...»*

Как это – «нет на земле»? А где же они тогда есть?

Конец одесского «гетто»

Гетто на Слободке просуществовало всего один месяц, с 12 января по 12 февраля 1942 года.

Но это только так говорится «просуществовало». Ведь только «счастливицам» удалось «прожить» в этом ужасе месяц, другие были угнаны в Березовку уже в первый день, 12 января 1942-го, и в тот же день на пути к Сортировочной погибли.

Все, что творилось в этом, так называемом «гетто», еще и еще раз свидетельствует о том, что, вопреки утверждениям историков, еврейского гетто, в полном смысле этого слова, в Одессе вообще не было!

Румынские власти делали все возможное, чтобы согнанные в это гетто жида не задерживались в нем. Они, эти жида, обязаны были или подохнуть здесь, на месте, от голода и холода или же в кратчайший срок пойти по этапу, и тогда у них уже был большой «выбор». Можно было закончить жизнь на 10-километровом пешем переходе на станцию Одесса-Сортировочная, или же стать ледяным столбом в вонючем вагоне поезда, носящем милое название «гроб», или уже по прибытии на станцию Березовка сгореть на костре вместе с трупами своих собратьев...

Последний конвой на Березовку ушел 12 февраля 1942 года, и председатель Центральной комиссии по эвакуации евреев полковник Матеи Вильческу сообщил в Бухарест, что депортация евреев Одессы практически закончена.

ИЗ РАПОРТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ЭВАКУАЦИИ ЕВРЕЕВ

Одесса, 17 февраля 1942 г.

В течение месяца, с 12 января по 12 февраля 1942 года, депортировано из Одессы в Березовку 31 114 жидов.

Умерло в гетто 564.

На сегодняшний день в гетто содержится 1423 жиды, представляющих «особый случай». Среди них: калек – 98; душевно больных – 143; беспризорных детей – 478; беременных женщин – 10; рожениц – 36; жидов, пойманных в последние дни в городе, – 76.

В гетто нет больше подлежащих депортации.

Продолжается охота за жидами в городе.

Председатель комиссии, полковник Матеи Вильческу.

Этот рапорт, естественно, обрадовал Антонеску – он это сделал, совершил, «очистил» этот жидовский город!

И, зная, как прореагирует на это сообщение Гитлер, не замедлил похвастаться.

Гитлер отреагировал соответственно – пригласил коллегу в «Волчье логово» и даже послал за ним свой «Condor» и своего личного пилота оберфюрера СС Баура.

Антонеску прилетел в Ставку Гитлера 20 февраля 1942-го едва живой.

Ганс Баур в своих воспоминаниях забавно рассказывает о том, как «миниатюрный» Антонеску дрожал от холода в кабине самолета, и члены экипажа вынуждены были укутать его с ног до головы десятком одеял так, что «наружу торчал только нос»⁹.

Но игра, как видно, стоила свеч. Гитлер «оценил» героические усилия «Красной Собаки» и вручил ему Золотой Большой Крест.

Этот орден был учрежден 1 мая 1937-го специально для иностранцев.

⁹ Баур Ганс. Личный пилот Гитлера. М.: ЦЕНТРОПОЛИГРАФ, 2006.

По уставу, им могли быть награждены лишь 16 человек, и первым его кавалером в июле того же года стал Томас Дж. Уотсон – глава IBM, снабдившей нацистов своей уникальной вычислительной техникой и давшей им возможность «оптимизировать» процесс уничтожения евреев Европы¹⁰.

Теперь этот красавец-орден, повторяющий форму Мальтийского Креста, будет украшать грудь Антонеску.

Кстати, это уже не первый орден, полученный им от фюрера. Как вы, наверное, помните, в августе 1941-го в Бердичеве он получил высший воинский орден – Рыцарский крест Железного Креста.

А теперь внимание!

За что получал Антонеску награды от Гитлера?

За доблесть? За победы в боях?

Отнюдь нет.

«Красная Собака» получал ордена... за убийства!

Тирасполь, крупнейший город Транснистрии, был захвачен румынами 10 августа 1941-го. Но еще до этой военной победы, 6 августа, Антонеску, успевший залить еврейской кровью всю Бессарабию, получает Рыцарский крест.

Румынская армия вошла в Одессу 16 октября 1941-го.

И что же? Гитлер как-то отметил эту «великую победу»?

Ну да – послал поздравление!

Зато он наградил Антонеску Золотым Большим Крестом 20 февраля 1942-го – сразу же после того, как закончилась депортация евреев из одесского гетто, сразу же после того, как тот доложил ему о полной «очистке» Одессы от евреев.

Последний конвой ушел в Березовку 12 февраля 1942 года.

На сей раз он был небольшим – 448 человек, и состоял, в основном, из членов Еврейского комитета, функционировавшего когда-то на Ольгиевской, 18.

Как вспоминает Иосиф Каплер, румынский прокурор, который якобы курировал комитет, решил, видимо, «отработать» полученные пододеяльники и кухонную посуду и еще в декабре 1941-го предупредил «подшефных» о намечающемся угоне в гетто. Это дало возможность председателю комитета выехать на Слободку до появления приказа № 7 и занять помещение суконной фабрики.

Здесь, как пишет Каплер, с 10 января 1942-го комитет продолжил свою работу.

В чем заключалась эта «работа», трудно сказать. Известно только, что усилиями комитета в помещении бывшей туберкулезной больницы был организован еврейский госпиталь. Главным врачом его стал любимый всеми нами, детьми Одессы, доктор Петрушкин. Мы хорошо помним этого добрейшего усача, помним его огромные золотые часы на цепочке и кожаный чемоданчик, из которого он, как фокусник, доставал то трубочку, то ложечку, то кругленькое зеркальце с дырочкой посередине. И даже сегодня, когда наши внуки пьют микстуру от кашля, мы ощущаем запах детства и называем эту микстуру «Каплями дедушки Петрушкина».

Весь персонал госпиталя, включая главврача, работал на добровольных началах, не получая никакого вознаграждения. И даже более того: каждый, желавший работать в госпитале, обязан был за это «платить», иными словами, вносить в кассу Еврейского комитета определенную сумму золотом или другими ценностями.

Врачи, даже самые высокопрофессиональные, такие как, например, профессор Срибнер, не имевшие возможности «заплатить», к работе не допускались.

---

¹⁰ Верховский Яков, Тырмос Валентина. Жизнь, поставленная на перфокарту. Израиль, 2009.

Вспоминает Каплер: *«В Еврейском комитете шум. Разбирают кандидатуры врачей в штат госпиталя. Рассматривают не с точки зрения пригодности, опыта и стажа, а сколько золота сможет внести врач или санитар «на содержание» госпиталя...»*

Профессора Срибнера жалко, но у него нет денег! Чтобы спасти его, нужно хотя бы устроить его на койке в качестве больного! Но и за это ему придется заплатить!»

Да, и за ЭТО нужно было платить.

За койку в госпитале платили золотом, причем не только больные, но и здоровые.

В чем здесь секрет?

Ну, люди больные, ладно. Но почему здоровые?

Почему здоровые готовы были платить за возможность валяться на госпитальной койке в вонючей палате рядом с тифозными больными?

Ответ прост: пребывание в госпитале давало отсрочку от депортации.

Председатель Еврейского комитета Подкаминский, как видно, за большие деньги и с помощью того же «куратора», добился обещания, что комитет и находящийся в его ведении госпиталь будут депортированы в Березовку в последнюю очередь.

Ну вот, теперь этот момент настал.

О том, что отсрочка закончилась, Еврейскому комитету объявил прибывший в госпиталь комендант.

Как вспоминает Каплер, все члены комитета были потрясены, а председатель Подкаминский обратился к коменданту с вопросом: *«Можно ли будет в Березовке или там, куда нас приведут, снова открыть Еврейский комитет и госпиталь для больных?»*

Вопрос рассмешил коменданта до слез, и он не сразу сумел подобрать слова для ответа.

«Вы можете, – сказал он, прыская. – Вы можете... открыть там... дом... дом для умалишенных! Их будет у вас там достаточно!»

С таким добрым напутствием колонна врачей в сопровождении повозок с тифозными больными двинулась на станцию Одесса-Сортировочная. Путь предстоял им тяжелый и долгий.

Но вдруг, неожиданно, у общежития Водного института колонну остановили и, сняв с повозок больных, начали втаскивать их в помещение. Как оказалось, тифозных оставляли здесь, на третьем этаже общежития, и с ними, на удивление, оставалось еще несколько человек: председатель комитета Подкаминский, доктор Петрушкин и даже некоторые члены комитета с семьями.

Каплер с горечью вспоминает об этой не очень красивой истории: *«Я вошел в комнату, где они устроились, и сказал, что все возмущены тем, что они спасают свои шкуры за счет общего золота. Все понимали, что только благодаря взяткам их оставили...»*

Подкаминский, прощаясь со мной, заплакал, просил передать всем, что он честен и что ни одна копейка не прилипла к его пальцам.

«Пусть отсохнут руки тех, кто воспользовался деньгами комитета для себя лично!» – вскричал он патетически и предложил казначею комитета выдать мне... пять марок, как помощь на дорогу. Я эту «помощь» не взял...»

Мы воздержимся от комментариев.

Не судите, да не судимы будете!

Скажем только, что всех членов Еврейского комитета, оставшихся в тот день общежития Водного института, ждала ужасная судьба.

Но что собой представляло это общежитие?

Почему именно сюда были переведены тифозные больные из госпиталя доктора Петрушкина?

Дело в том, что здесь, в общежитии, на третьем этаже, помещался еще один госпиталь для евреев.

Если вы помните, в свое время в помещении Медицинского института, на Херсонской, работал еще один Еврейский комитет, членом которого была доктор Фредерика Сушон. Оба эти комитета – тот, на Ольгиевской, и этот, на Херсонской, – действовали одинаково: составляли списки оставшихся в живых евреев, собирали еврейские ценности, давали взятки властям за какие-то мифические поправки. И оба, видимо, были предупреждены о готовящемся уgone евреев в гетто.

Так что доктор Сушон, как и председатель Подкаминский, прибыла на Слободку еще до выхода приказа № 7 и смогла занять общежитие Водного института – вполне приличное трех-этажное здание, состоящее из множества небольших комнат. Удобно было и то, что общежитие было окружено забором, отделявшим его, в какой-то мере, от ужасов Слободки.

В одной из комнат на третьем этаже Фредерика поместила свою семью – двоих сыновей и престарелую тетку, а в остальных, и тут надо отдать должное ее организаторским способностям, устроила госпиталь. Будем называть этот госпиталь, в отличие от госпиталя доктора Петрушкина, госпиталем доктора Сушон¹¹.

В этом импровизированном госпитале без лекарств, без перевязочных материалов, без обслуживающего персонала, без, без... в течение полугода, до 23 июня 1942 года, доктор Сушон самоотверженно спасала от смерти тифозных больных и не менее самоотверженно некоторое число здоровых от... отправки в Березовку.

Как же ей это удавалось?

Видимо, помогало то обстоятельство, что официальным руководителем госпиталя значилась бессарабская еврейка, некая доктор Лещинская. Она не успела в свое время эвакуироваться и, попав в гетто, использовала свое знание румынского языка для того, чтобы завязать «деловые» отношения с его комендантом.

Именно эти, «деловые», отношения способствовали тому, что больные тифом из ушедшего с последним конвоем госпиталя доктора Петрушкина были переведены в госпиталь доктора Сушон.

Именно эти, «деловые», отношения способствовали тому, что даже после того, как 12 февраля 1942-го ушел в Березовку последний конвой и военная жандармерия покинула свои посты, госпиталь, помещавшийся в общежитии Водного института, продолжал существовать.

Как указано в последнем рапорте Центральной комиссии, завершившей на этом свою «благородную» миссию, к 11 апреля 1942-го число прошедших через гетто евреев увеличилось с 33 101 человека до 34 038, из которых 847 умерло «своей смертью», а 548 остаются в госпитале и будут депортированы «позднее».

Это «позднее» произошло только 23 июня 1943 года.

«Чего» или «сколько» это стоило доктору Сушон, никто, наверное, уже не узнает.

Но к счастью для «продержавшихся» в госпитале, это было уже совсем другое, летнее, время и другие условия депортации – трудные, страшные, но не смертельные, и большая часть из 548 указанных в рапорте евреев осталась в живых.

В их числе знакомые нам сыновья Фредерики, 16-летний Сергей и 11-летний Леда, и еще один 12-летний мальчишка, будущий моряк и писатель Аркадий Хасин.

Но как могло случиться, что в рапорте от 17 февраля 1942 года указано, что через гетто прошло 33 101 человек, а в рапорте от 11 апреля того же года – 34 038?

Откуда взялась разница в 937 человек?

Страшно сказать, но это те евреи, которых выловили в городе.

---

¹¹ Сушон Леонид. Транснистрия: евреи в аду. Одесса, 1998.

Большая охота

Охота на евреев на самом деле шла непрерывно.

Мы уже рассказывали вам о том, как сразу же после вступления доблестной румынской армии в город, в октябре 1941-го, жандармы рыскали по домам, выискивая евреев, как собирали их в колонны и гнали в Тюремный замок. Потом, в ноябре 1941-го, шла охота на мужчин-евреев, не явившихся на регистрацию, а в январе уже следующего 1942-го – охота на женщин и детей, не вышедших в гетто.

ИЗ РАПОРТОВ ИНСПЕКТОРА ЧИУРИ

*22 января 1942 года

Охота на евреев в городе продолжается...

*24 января 1942 года

Арестовано и передано военным властям 7 скрывающихся евреев...

Но можно смело сказать, что все, что было за эти месяцы в городе, ничто, по сравнению с тем, что началось после 12 февраля 1942-го, после того, как из гетто ушел последний конвой.

Теперь это слово – «охота» – уже не метафора.

Но что, собственно говоря, произошло?

Почему вдруг снова – «охота»?

Ведь город как будто уже «очищен»?

Ан нет! Все не так просто, как кажется!

Если по рапортам Центральной комиссии через гетто прошло около 33 тысячи евреев, а по «Спискам оставшихся в живых», составленных Еврейскими комитетами, их было на 31 декабря 1941-го порядка 40 тысяч, то где оставшиеся семь тысяч?

Особую злость «Красной Собаки» вызывало то, что в полученных им рапортах почти всегда имелась приписка: *«В основном, старики, женщины и дети... В основном, старики, женщины и дети... В основном...»*

Как назойливый рефрен, содержащий в себе какую-то скрытую угрозу.

Так, например, за три дня, с 17 по 19 января, среди 3407 депортированных было 1273 женщины, 1010 детей, 1104 стариков и старух и ни одного мужчины призывного возраста.

Как же так? Почему?

Почему «в основном, старики, женщины и дети»? Где мужчины?

Неужели, несмотря на облавы, в городе все еще прячутся семь тысяч жидов?

Антонеску выходит из себя – он рычит на своих приспешников и грозит им всеми возможными карами.

В страхе за свою пошатнувшуюся голову, Алексяну на этот раз подошел к делу со всей серьезностью. Для «охоты» на жидов были созданы особые жандармские и полицейские отряды, мобилизованы служащие городской управы, мобилизованы члены Центральной комиссии по эвакуации и снова, конечно, дворники и управдомы.

И началась «Большая охота».

Казалось, в городе не осталось ни одного не обшаренного уголка, ни одного человека, у которого не проверили бы документы. И, как полагается на настоящей охоте, тут и там раздавались выстрелы и слышались крики подстреленной «дичи».

В стороне, как обычно, не остались и «добрые соседи».

Это они, «добрые соседи», приводили убийц на чердаки и в подвалы. Это они вылавливали по развалкам еврейских сирот и самолично притаскивали их в полицейские участки. Это они снова писали доносы и, не стесняясь, подписывали их своими полными именами и фамилиями, с указанием академической степени и даже должности на последнем месте работы.

В нашем архиве хранится донос на некую Мириам Абрамовну Флит. Эта жидовка, оказывается, обзавелась «русским паспортом» и скрывается от депортации, причем не в городе, а в самом гетто на Слободке. Донос датирован 27 февраля 1942 года и подписан двумя женщинами – сестрами М. И. и К. И. Пеневыми, проживающими в доме № 8 по улице Гоголя.

Что им за дело, этим милым сестричкам, до одинокой и немолодой женщины?

Зачем берут они ее смерть на свою совесть?

Теперь евреям действительно уже негде спрятаться.

Каждый день в кровавые руки «охотников» попадают десятки: 16 февраля – 49 человек, 23 февраля – 210, 24 февраля – 60, а 26-го – еще 32.

Но самой обильный улов – это все-таки не мужчины, которых и вправду нет уже в городе, а дети.

Еврейские дети, потерявшие своих родителей. Голодные, оборванные, прячущиеся, как маленькие зверьки, по развалкам.

За несколько дней жандармы выловили 479 еврейских детей в возрасте до 7 лет.

Все они были отправлены в Березовку, в организованный где-то в этом районе «сиротский дом», а затем переправлены в страшное гетто Акмечетки и... исчезли. Ни об одном из них никто никогда не слышал.

И все же, несмотря на все прилагаемые усилия, результаты «охоты» были неутешительны.

Поймано было, как сказано, 937 человек.

Ну а поймать-то надо было семь тысяч!

Где они, эти «недостающие»?

Неужели «охотники» вновь оплошали и Алексяну не сносить головы?

Да нет – не оплошали. Просто очень большое число евреев остались «неучтенными».

Во-первых, не всех пойманных во время «охоты» перегоняли в гетто, часть отправляли в «Куртя-Марциалэ» и после короткого судебного разбирательства расстреливали.

ИЗ СУДЕБНОЙ ХРОНИКИ

«Одесская газета», № 43, 22 февраля, 1942 г.

«Военно-полевой суд рассмотрел на днях ряд дел на уклонявшихся от исполнения приказа № 7 о пребывании в гетто.

Евреи: Фридман Марк Филиппович, Бениашвили Арон Шмилевич, Лись Абрам Борисович, Кисилевский Стефан Вениаминович, Барда Елизавета Давыдовна – бежали из района гетто.

Постановлением суда все вышеуказанные евреи, как бежавшие и злостно уклоняющиеся от исполнения приказа № 7, приговорены к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение в субботу 14 февраля с. г...»

А во-вторых, разве возможно было учесть всех замерзших, забитых прикладами, пристреленных по дороге на Слободку или убитых «случайно» на заваленных снегом улицах?

Разве кто-то учел, записал, зарегистрировал тетю Янкале, бедную Цилю, замерзавшую целый день на скамейке у ворот и в конце концов пристреленную, как собаку, в развалке?

Разве кто-то учел неведомо где погибшую старушку Иду, бабушку Ролли, или ее любимую дочку Нору, замерзшую вместе с ребенком в садике на Преображенской?

Разве кто-то учел трех еврейских девушек, Богдановскую Раю и сестер Давидовских, Сою и Маню, убитых в январе 1942-го на Привозе и выброшенных в мусорный ящик.

Антонеску мог быть спокоен.

Да и Алексяну незачем было волноваться – «сальдо-бульдо жидов» было в полном порядке.

Одесса... нет, не так, «Город Антонеску» был полностью «очищен».

Не пойманными остались десятка два-три...

Они все еще живы, но понимают, конечно, что обречены.

И некоторые из них, устав от ежеминутного ожидания смерти, покидают свои ненадежные убежища и добровольно идут на Слободку. Другие, отчаявшись, приближают развязку – кончают жизнь самоубийством.

Но есть среди этих, не пойманных, и те, кто вопреки всему продолжает бороться.

Продолжает искать пути к спасению. Подделывает документы. Добывает паспорта. Становится «русским», «украинцем», «караимом»...

Или бежит, уходит в окрестные села. И там, среди чужих и часто враждебных людей, продолжает скрываться, продолжает носить на лице маску, день за днем, месяцы, годы. Опасаясь каждого встречного, способного «узнать», «опознать», «разоблачить». Страшась самого себя, страшась оступиться, выдать себя нечаянным словом, интонацией, жестом...

И самое страшное, что в этой игре со смертью принимают участие дети.

И даже они, дети, вынуждены носить маску.

И даже они, дети, вынуждены понять и запомнить то, что ребенку никак невозможно понять и запомнить.

Дети вынуждены понять, что они евреи!

Дети вынуждены запомнить, что они евреи и каждое сказанное ими слово, каждый неловкий жест или испуганный взгляд могут стоить жизни. Да и не только им. А еще и маме, и бабушке, и даже чужой тете, которая, сжалившись, приютила.

Дети примут участие в этой игре.

И, если выпадет им счастье, они ее выиграют и останутся жить.

Как остались жить Янкале и Ролли.

Живые пойдут дальше

Но вернемся к другим «счастливым». К тем, кому «посчастливилось», попав в гетто, не замерзнуть на улицах Слободки и даже не сдохнуть от тифа на госпитальной койке. К тем, кому «посчастливилось» дотащиться до станции Одесса-Сортировочная и даже, не став ледяным столбом, добраться до Березовки. К тем, кому «посчастливилось» не превратиться в пепел на костре, разведенном на бетонной платформе, и даже, быть может, согреться у этого огня, пожирающего детей и их матерей. Что будет с ними? Они ведь тоже пока еще живы.

Живые пойдут дальше.

Их путь лежит на север, через Мостовое, на Доманевку и Акмечетку.

Мостовое... Доманевка... Акмечетка...

Маленькие, затерянные в степи села, хутора.

Никто не узнал бы об их существовании, никто не услышал бы их название, если бы... если бы однажды зверь в облике человека их не «прославил».

Это он, наш старый знакомец, префект Голты, палач Исопеску, создал на подвластной ему территории кроме гетто в Богдановке еще два «образцово-показательных» гетто в Доманевке и в Акмечетке.

Но вы, наверное, уже устали от всех этих ужасов?

По правде говоря, мы тоже устали.

У нас нет сил описывать 25-километровый путь евреев Одессы в «царство смерти домнуле Исопеску»: опять конвой, опять мороз и сбивающий с ног ледяной ветер, и матери, бредущие с мертвыми детишками на руках, и по обочинам дорог присыпанные снегом трупы...

У нас нет сил рассказывать о гетто Доманевки. О вшах, о тифе, о кладбище для скота, на котором вместе с падалью зарыты наши братья, о полуразрушенных конюшнях по имени «Горки», куда свозили умирать наших стариков и оторванных от матерей детей. Нет сил рассказывать об Акмечетке – «любимом» лагере Исопеску. О том, как привозил туда он своих пьяных друзей, как все они восхищались «пейзажем» и как фотографировали «на память» горы непогребенных трупов и ползающих среди них скелеты живых...

У нас нет больше сил.

В Доманевке погибли 18 тысяч евреев. В Акмечетке – 4 тысячи.

Но парадокс заключается в том, что, по оценкам очевидцев, большая часть из тех пяти-шести сотен евреев Одессы, которым удалось пережить оккупацию, прошли как раз через эти гетто. Пригнанные из Березовки в Доманевку, они в дальнейшем были переведены в окрестные села для использования на полевых работах и дождались освобождения.

Гораздо более страшная судьба постигла тех, кто не попал в «царство смерти», а остался в Мостовом и в окрестных немецких селах, входивших в «Империю герра Хорста Хоффмайера».

Все оставшиеся в Мостовом евреи погибли – эту «грязную работу» выполнили фольксдойче, имевшие уже богатый опыт убийства в Богдановской Яме.

Правда, в отличие от Богдановки, на сей раз сгонять евреев в одно место было излишне хлопотно, гораздо проще было «решить вопрос» в самом Мостовом или в его окрестностях – в поселениях Лихтенфельд, Раштадт, Ландау, Либенталь, Вормс. В каждом из них Зондеркоммандо «Rusland» организовала так называемые отряды самообороны – «Selbstschutz», готовые с радостью взяться за «дело», да и найти пригодный для «дела» овраг, противотанковый ров или, на крайний случай, силосную яму тоже было не трудно.

Самые страшные преступления совершили отряды поселения Раштадт, во главе с гауптштурмфюрером Рудольфом Хартунгом, и поселения Лихтенфельд, во главе с унтерштурмфюрером Францем Либлем.

Первый рапорт об убийстве евреев, пригнанных из Одессы, поступил в Бухарест 11 февраля 1942-го. Он содержал сведения о том, что 31 января на окраине села Подолянка, у заброшенного колодца, фольксдойче из села Ново-Америка расстреляли 200 жидов, депортированных из Одессы, а на следующий день, 1 февраля, еще 130 – в селе Раштадтт. Рапорт был подписан командующим легиона «Березовка», майором Ионом Попеску, который с явной грустью заметил, что в первом случае «одежду убитых колонисты увезли в свое село», а во втором – «ценности убитых разделили между жителями соседних немецких сел».

И покатилась волна убийств. Каждый день-два сотни, тысячи.

И даже не сама смерть тут страшна – к смерти мы все, и взрослые, и дети, видевшие ее каждый день и ждущие ее для себя каждую минуту, уже успели как-то «привыкнуть».

Смерть не страшна – страшны муки.

17 февраля на окраине села Градовка фольксдойче из села Раштадтт расстреляли около 7000 евреев. На этот раз звери использовали шахты печей для обжига известняка, так называемые варницы. Людей заставляли раздеться донага, выстраивали шеренгой у края шахты и расстреливали в упор из автоматов. Осколки черепов летели во все стороны. Трупы падали в шахту.

Когда шахта наполнялась, ее засыпали соломой, обливали бензином и поджигали.

Каждая «закладка» занимала трое суток. Пока горела одна, людей расстреливали у другой. И так далее. И так далее. До самого конца...

Летом 1944-го Красная армия освободила Градовку, и местные жители привели командира части полковника Шабанова к варницам. Все здесь уже заросло бурьяном, и, казалось, ничто не нарушало покой этого проклятого места. Разве только хруст человеческих костей под ногами...

«Я много видел за эту войну, – писал полковник Шабанов Эренбургу, – но не могу передать того, что испытал при посещении варниц. И если я, сторонний свидетель, испытал все это, то что же должны были пережить сами обреченные, прежде чем упасть с разможенной головой в огонь печи?»¹².

9 марта 1942-го на окраине села Задовка были расстреляны 772 человека, 10 марта в селе Марьяновка – 800, 13 марта в селе Хулиевка – 650 и у силосной ямы села Онорьевка еще 400. И в тот же день, 13 марта, на окраине села Гуляевка еще 1.000, среди которых более половины – дети.

А К Т № 18

Гуляевка, Березовский район, Одесская область

10 октября 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся... составили настоящий акт в следующем:

13 марта 1942 были расстреляны в селе Гуляевка советские граждане, вывезенные из Западной Украины и из Одессы.

Расстрелы производились на северо-восточной стороне за селом, в противотанковом рве.

Перед расстрелом согнали всех граждан в колхозный сарай и, выводя по группам около 100–150 человек, с утра до вечера расстреливали. Предварительно вся одежда с расстреливаемых снималась...

Расстреливали из винтовок, а маленьких детей убивали прикладами.

Всего за день было расстреляно около 1000 человек, среди них были грудные и маленькие дети, женщины, старики...

¹² Черная книга. Запорожье: Интербук, 1991.

После этого, на протяжении всего времени до прихода Красной армии, производились расстрелы небольшими группами, поодиночке... Таких расстрелянных было около 200 человек. Более точных сведений нет. Председатель комиссии.... Члены.... Свидетели...

14 марта 1942-го в двух образцово-показательных колхозах, носящих звучные имена: «Стежка Ильича» и «17-й партсъезд», были расстреляны 1300 евреев, большая часть которых – 803 человека – дети.

18 марта на окраине села Сахаровка, у Каменной Балки, были убиты еще 400 человек, среди которых 190 детей.

И в тот же день, 18 марта, в селе Бернадовка – 483, среди которых 285 детей.

И в тот же день, 18 марта, в пяти километрах от Мостового, в противотанковом рву, закончили свою жизнь все оставшиеся когда-то в общежитии Водного института члены одесского Еврейского комитета во главе с председателем Подкаминским. В этом противотанковом рву погиб и любимый наш доктор Петрушкин.

А убийства, между тем, продолжались.

Последний, хранящийся в нашем архиве рапорт жандармского управления Транснистрии за № 189 датирован 16-м июня 1942 года. В соответствии с этим рапортом в последних числах мая около 1200 евреев, умиравших от голода в развалинах древней крепости села Мостовое, были переведены в колхоз Суха-Верба «для использования на полевых работах». Все эти евреи были расстреляны немецким отрядом самообороны, прибывшим из поселения Лихтенфельд.

Для подсчета числа евреев Одессы, уничтоженных немецкими колонистами весной 1942-го, мы провели собственное расследование, основанное исключительно на архивных документах. В первую очередь, на рапортах жандармского управления Транснистрии, направленных в Бухарест «по горячим следам» в 1942-м, и на актах, составленных Чрезвычайной государственной комиссией после освобождения этих территорий в 1944-м.

Общее число уничтоженных немецкими колонистами, вместе с погибшими в Доманевке и Акмечетке, составило около 33 тысяч человек. Из них около трети – малые дети.

Ну вот, теперь «Город Антонеску» действительно полностью «очищен».

Здесь нет больше евреев. Здесь нет больше еврейских детей.

Все евреи Одессы уничтожены.

Можно подвести итог. Нигде, кстати, до этого он не был исчислен.

Крoвaвый итoг

* С 16 по 21 октября 1941-го, во время так называемого спонтанного террора, на улицах города и в порту уничтожено более 8000.

* 19 октября в старых пороховых складах на Люстдорфской дороге сожжено живыми около 25 000.

* 23 октября, после взрыва румынской комендатуры на Маразлиевской, в течение пяти часов в центре города – на балконных решетках, на ветках акаций и каштанов, на специально построенных виселицах и даже на детских каруселях – повешено 5000.

* 23 октября на Дальнике расстреляно в противотанковых рвах 4000 вышедших на «регистрацию» паспортов.

* 24–25 октября там же, на Дальнике, в амбарах для хранения зерна сожжено и взорвано еще 22 000.

* В ноябре-декабре 1941-го в Богдановке уничтожено более 50 000 оставшихся в живых после бойни на Дальнике. Большая часть расстреляна в «Garla Mare», остальные погибли от тифа и голода или же были сожжены в свинарниках Богдановского свиновхоза.

* В январе-феврале 1942-го в так называемом «гетто» на Слободке умерло от голода, холода и болезней около 1000.

* И наконец, более 33 000 последних, оставшихся в живых евреев Одессы – тех, кто был депортирован из гетто в Березовку на поезде смерти – погибли в пути, в лагерях Доманевки и Акмечетки или же были замучены немецкими колонистами из Зондеркоммандо «Rusland».

Все эти так называемые «учтенные». Зарегистрированные румынской Центральной комиссией по эвакуации, фигурирующие в рапортах подполковника Никулеску-Кока и упомянутые в докладных записках нашего первого секретаря товарища Колыбанова как «мирные советские граждане».

Но были ведь еще и «неучтенные».

Те самые «неучтенные», кто был расстрелян на старом еврейском кладбище по вердиктам «Куртя-Марциалэ». Те, кого забили прикладами, замучили, изнасиловали. Те, кто замерз на скамейках в парках. Те, кого пристрелили и бросили, как собаку, умирать в развалке...

Всех вместе их, «учтенных» и «неучтенных», более 155 тысяч.

Более 155 тысяч из тех 160 тысяч евреев, не подлежащих эвакуации и брошенных в Одессе на милость врагу.

Вдумайтесь только: более 155 ты-ся-ч, среди которых около 40 тысяч детей.

Этот итог вы видите первыми.

Трагедия евреев Одессы закончена.

Занавес опускается.

На этом можно было бы поставить точку.

Но мы, двое еврейских детей, чудом каким-то все еще живы, все еще прячемся где-то под постоянной угрозой смерти.

Личная наша трагедия все еще продолжается.

И потому продолжается наша книга.

Последствие: Ты мое Эхо...

*Вседневный страх есть та же казнь повседневная.
Публий Сир, римский поэт, I век до н. э.*

17 марта 1942-го —10 апреля 1944 года

Событие первое: Ревизор из «Ванзее»

Одесса, март 1942 г. 136 дней и ночей под страхом смерти

А в Одессе весна.

Светит солнце. Тает смерзшийся за долгую зиму снег. В прозрачном воздухе, совсем как прежде, слышны голоса детей и резкие звонки трамваев.

На голых еще ветвях акаций, совсем как прежде, щебечут неугомонные воробьи.

Весна. Город как будто бы просыпается ото сна и сбрасывает с себя липкую паутину кошмара. Дни стали длиннее, и улицы, совсем как прежде, заполнились гуляющими. На Дерибасовской пленяют взор вымытые до блеска витрины новых магазинов, а мимо них к Бульвару до поздней ночи течет нарядная толпа.

Совсем, как прежде.

И только странно, что в этой, по-весеннему праздничной толпе тут и там мелькает чужая военная униформа.

И только странно, что в этой, по-весеннему праздничной толпе нет ни одного еврейского лица.

А впрочем, что же здесь странного?

В Одессе больше нет евреев.

В Одессе, где евреи с самого ее основания, со времен де Рибаса и Ришелье составляли треть населения, больше нет евреев.

Более 155 тысяч евреев Одессы мертвы!

Повешены, замучены, расстреляны, пеплом стали в артиллерийских складах, на Дальнике, в Богдановской Яме, в известковых печах Градовки.

И только одному Богу известно, почему МЫ все еще живы...

Трагедия евреев Одессы закончена, а трагедии двух еврейских детей, Ролли и Янкале, все еще продолжают, повторяя, как Эхо, друг друга...

За пять месяцев оккупации румынский палач Антонеску сумел сотворить в Одессе то, что пока не удавалось сотворить ни одному из германских палачей.

Этот «маленький румын», или как его там, «кондукаторул», «маршал», предмет насмешек всей гитлеровской своры, доказал на деле, что «окончательное решение еврейского вопроса», старт которому был дан 20 января 1942-го на совещании в Ванзее, осуществимо.

Гитлер был потрясен.

Ведь даже там, в Ванзее, среди участников этого экстраординарного совещания были сомневающиеся, были те, кто считал, что «окончательное решение» вряд ли возможно. Что вряд ли возможно, вот так просто, враз, «решить вопрос» 11 миллионов жидов!

А вот Антонеску взял, да и «решил», взял, да и осуществил «окончательное решение» в одном из самых жидовских городов большевистской России.

На Антонеску со всех сторон посыпались поздравления, а фюрер так разволновался, что, как вы уже знаете, наградил его Золотым Большим Крестом.

Но, несмотря на орден и на все прочее, это почти «мгновенное» осуществление «окончательного решения» казалось многим слишком уж фантастическим, чтобы быть правдой.

Возможно, все-таки, что этот «маршал», как бы это поаккуратнее выразиться, «малость приврал», расписывая свои успехи?!

Вопрос был настолько важным, что было принято решение проверить правильность фанфарных рапортов Антонеску, и с этой целью в Одессу был послан... ревизор.

Да-да, именно РЕВИЗОР!

Специалист по «окончательному решению», способный разобраться в обстановке и убедиться в том, что город действительно «очищен».

Эта невероятная история о прибытии ревизора озвучена здесь впервые!

Вы не найдете ее ни в монографиях историков, ни в воспоминаниях современников.

На роль РЕВИЗОРА был выбран группенфюрер Штуккардт.

О, нам хорошо знаком этот нацистский выродок!

Один из лучших юристов Третьего рейха, доктор уголовного права, 40-летний Вильгельм Штуккардт занимал пост государственного секретаря Имперского министерства внутренних дел, а также, по совместительству, был председателем «Имперского установления по защите германской крови» и автором монографии, подтверждающей правомерность Нюрнбергских законов.

Но самое главное, что он был участником того самого совещания в Ванзее, где речь шла об «окончательном решении еврейского вопроса»¹³.

Судьба этого преступника интересна: в 1948-м он был судим Американским Военным трибуналом в Нюрнберге, приговорен к уплате смехотворного денежного штрафа в 500 марок и сразу же после выхода на свободу, «совершенно случайно», был сбит машиной¹⁴.

Визит группенфюрера в наш город символичен: он связывает Ванзее – символ «окончательного решения еврейского вопроса», с Одессой, ставшей, видимо, первым «удачным опытом» осуществления этого преступления.

Штуккардт прибыл в Одессу напрямик из Берлина в специальном поезде-экспрессе, в сопровождении небольшой свиты, в которую, кроме его помощников и адъютантов, входил бургомистр Вены доктор Дельбург.

Но что понадобилось престарелому бургомистру в Одессе?

Как видно, это была идея Гитлера – в те дни в Вене оставалось в живых еще около 80 тысяч евреев, так пусть эта свинья... der Schweine!.. Дельбург поучится у Антонеску, как нужно «работать».

«Обмен опытом», так сказать.

Еще одним сопровождающим Штуккардта был его заместитель, доктор Глобке.

Ганс Глобке известен сегодня не менее, а может быть, даже более, чем Штуккардт. Ведь именно он, Глобке, был официальным комментатором Нюрнбергских законов, и именно он изобрел печально известную «систему имен», по которой евреям запрещалось изменять свои имена.

Приезд Ганса Глобке в Одессу был, как ни странно, каким-то мистическим образом связан и с нашей судьбой: буквально за два дня до его приезда, 18 марта 1942-го, Тася для конспирации стала называть Ролли простым русским именем Валя.

О том, как это драматическое событие произошло, Ролли расскажет вам сама.

Мы же пока вернемся к визиту РЕВИЗОРА.

Таким уважаемым людям, как Штуккардт и Глобке, был оказан царский прием.

Говорят, что несмотря на позднее время – поезд-экспресс прибыл в 21:40 – вокзал был залит ярким светом, украшен флагами и гирляндами цветов.

Хотя какие гирлянды цветов в разрушенной Одессе в марте месяце?

Во всяком случае, на покрытом красным ковром перроне гостей встречал сам губернатор Александру с огромной свитой.

Здесь же присутствовал примарь Пынтя, тоже с толпой прихлебателей, среди которых, как это ни прискорбно, был наш уважаемый профессор Часовников, скрывавшийся от эвакуации, как вы, наверное, помните, на 11-й станции Большого Фонтана. Теперь профессор Часов-

---

¹³ Верховский Яков, Тырмос Валентина. Жизнь, поставленная на перфокарту. Израиль, 2009.

¹⁴ Die 12 Nurnbergtr Nachfolgt-Prozesse, 1946–1949. Berlin, CHRNOS, 2000.

ников стал ректором Одесского университета и с полным правом мог принимать участие в таких торжественных мероприятиях.

«Гости» пробыли в Одессе всего одни сутки, но, как сообщает «Одесская газета» от 25 марта 1942-го, очень много «успели».

Ну, прежде всего в их честь был дан торжественный обед в Воронцовском дворце и два не менее торжественных ужина в здании Думы на Николаевском бульваре. Все эти обильные застолья, естественно, сопровождались не менее «обильными» речами.

В перерывах между обедами и ужинами они ознакомились с достопримечательностями Одессы, восхитились ее потрясающей архитектурой, насладились оперой Римского-Корсакова «Царская невеста», которая специально для них была представлена в Оперном театре, и в 22:30, после торжественных проводов, отбыли в Берлин.

Но, скажите на милость, неужели такой высокопоставленный нацист, как группенфюрер Штуккардт, стал бы трястись в экспрессе все эти треклятые две тысячи километров из Берлина в Одессу только затем, чтобы провести в нашем городе одни сутки? Только затем, чтобы жрать и, плохо скрывая скуку, выслушивать в переводе с румынского приветственные речи? Только затем, чтобы восхититься архитектурой разрушенного бомбежкой города и насладиться «Царской невестой» в исполнении оставшихся в Одессе третьесортных певцов?

Нет, конечно!

РЕВИЗОР, несомненно, и даже в первую очередь, посетил Тюремный замок и опустевшее уже гетто на Слободке и убедился, что Антонеску на этот раз сказал Гитлеру правду – евреев в Одессе нет!

Да, действительно, Антонеску сказал Гитлеру правду, но, к счастью, не всю...

В городе в эти дни оставалось еще несколько десятков евреев, и мы в их числе.

И хотя облавы на улицах прекратились, наше положение с каждой минутой становилось все хуже. Так, квартира Эмильки, повисшая где-то между небом и землей в разрушенном бомбежкой доме, теперь, когда снег сошел и руины обнажились, стала не только заметна с улицы, но и грозила рухнуть каждую минуту.

Нужно было искать новое убежище.

Поисками, как всегда, занималась Тася. Теперь, на залитых солнцем улицах, это было особенно опасно: она уже не могла скрывать лицо, закутываясь в платок, и здесь, в этом родном ей городе, каждый встречный мог ее узнать и выдать.

Но вот наконец 17 марта 1942-го, под вечер, она вернулась уставшая в квартиру Эмильки и показала ключ от их нового убежища.

Как оказалось, ей удалось нанять комнату, под видом «дачи на лето», в доме, принадлежащем некой Арнаутовой.

Дом, по рассказу Таси, находится на 11-й станции Большого Фонтана, в деревне, носящей имя Дерibasовка, в достаточно глухом месте, на улице Костанди, и проживают в нем только две старухи – сама Арнаутова и какая-то ее родственница по фамилии Федоренко. Обе они производят очень хорошее впечатление: о национальности не спросили и, видимо, были рады столь неожиданно свалившимися на них «дачникам».

Ну, все – нужно уходить. До Дерibasовки более 10 километров.

Сегодня они уйдут без вещей и только вдвоем с Изей. Ролли она заберет завтра, а потом и Эмилька сможет к ним перебраться. Так она и со старухами договорилась: трое взрослых и один ребенок. И задаток за «дачу» оставила – свое обручальное кольцо.

Тася с Изей ушли и, как это ни невероятно, добрались до Дерibasовки. А утром Тася, как обещала, вернулась за ребенком. Она поднялась по висящей над пропастью лестнице на четвертый этаж, подошла к двери в квартиру и... с ужасом поняла, что дверь открыта настежь?!

Не помня себя, Тася вбежала в квартиру, прежде всего, конечно, в кухню, где должна была быть Ролли. Но Ролли там не было...

Тася бросилась в комнату и... увидела Эмильку...

Эмилька лежала полу в луже запекшейся крови.

Трудно сказать, как повела бы себя в такой ситуации другая женщина.

Но Тася даже не вскрикнула и, конечно, не выбежала в страхе за свою жизнь из этой квартиры, а стала искать Ролли. Она металась по комнатам, заглядывала во все углы, но, видимо, в смятении чувств, не догадывалась заглянуть на антресоли.

«*Ролли! Ро-л-л-и!*» — вопила она, не обращая внимания на то, что ее крики могли быть услышаны на улице, и уже начинала понимать, что кричит напрасно, что девочки в квартире нет и нужно уходить...

Но вдруг, неожиданно, в темном проеме антресолей, под самым потолком, показалась заспанная морда Ролли.

«*Чего ты орешь?* – спросила она совершенно спокойно. *Ты что забыла, я же сплю здесь, на антресолях? Ты меня совсем разбудила...*»

Тася после войны рассказывала, что с этой минуты она обрела какое-то ледяное спокойствие и действовала, как автомат: не говоря ни слова, она стащила эту мерзавку на пол, одела ее кое-как и почти скатилась по качающейся лестнице.

А потом все шла и шла, эти бесконечные 10 километров до Дерibasовки, таща за собой ревушую от страха, голода и усталости Ролли.

Добравшись в конце концов до Дерibasовки и убедившись в том, что и Изя, благодарение Богу, пока жив, она еще нашла в себе силы соврать хозяйкам их новой «дачи», что дочку зовут «ВАЛЯ».

Так, совершенно случайно, Ролли стала ВАЛЕЙ.

На всю дальнейшую жизнь...

Закончив описывать это событие, мы, казалось, навек расстались с развалкой на Софиевской и расстались с Эмилькой, так ничего, на самом деле, не зная о ней и не надеясь узнать – ни имени ее настоящего, ни как она оказалась в развалке, ни почему рисковала жизнью, спасая еврейскую семью.

Но вдруг, неожиданно, в интернете появилось интервью с известным одесским архитектором, Игорем Бесчастным, который, на удивление, вспоминает и о нашей Эмильке.

Как оказалось, Игорь много лет уже живет в Нью-Йорке, но не может забыть о своем родном городе и о юности, проведенной в оккупированной Одессе. Мы пытались связаться с ним, но, к сожалению, не сумели и знаем сегодня только то, о чем рассказал он в интервью.

В те давние дни 18-летний Игорь вместе с родителями проживал в квартире своего деда – легендарного главного архитектора Одессы Михаила Бесчастного.

Дом их стоял на той же Софиевской улице, рядом с нашей развалкой, и Игорь хорошо знал Эмильку, которую он называет русским именем Лена.

Лена, вспоминает он, после того, как дом ее разбомбили, вынуждена была покинуть свою разрушенную квартиру и заняла одну из комнат в квартире Бесчастных.

Какое откровение для нас!

Оказывается, что Эмильке вовсе не нужно было жить в развалке, в ее распоряжении была комната в квартире Бесчастных, и в развалке жила она временами и только ради нас, евреев, которых она укрывала.

Вспоминает Игорь: «*Такую же роль для семьи архитектора Исидора Брейтбурда и его жены Натальи Тырмос сыграла наша соседка Лена. Не успев эвакуироваться, они прятались от румын в соседнем доме по ул. Софиевской, 17, и Лена заботилась о них. Мы знали об этом и иногда передавали им пищу.*»

Вот так неожиданно мы узнали, что и благородная семья Бесчастных принимала участие в нашем спасении.

С горечью вспоминает Игорь о трагической гибели Эмильки: *«К сожалению, эта литовская женищина трагически погибла, ее нашли удушенной в развалинах, страшная смерть».*

Видимо, наша квартира в конце концов все-таки обвалилась и мертвое тело Эмильки попало в развалины, поскольку ее изнасиловали и удушили еще наверху, в квартире.

К несчастью, свидетелем этого преступления была пятилетняя Ролли.

От Ролли: Развалка кончилась

Одесса, 17 марта 1942 г., вечер Развалка на Софиевской 153 дня и ночи под страхом смерти

Эмилька сказала, что не может нас больше УК-РЫ-ВАТЬ.

Она прибежала с базара вся красная и сразу стала руками размахивать:

«Бабы на базаре балакают, что из гетто на Слободке всех жидов... Ой, звяняйте, Наталия, – всех евреев... Из гетто на Слободке всех евреев, это, уже, угнали...»

Вот поэтому и еще потому, что зимы уже нет и весна, Эмилька не может нас УК-РЫ-ВАТЬ.

А тут еще наша развалка кончилась.

Снег начал таять, и из развалки пошел ЗАПАХ.

«Это от мертвяков, – сказала Эмилька. – Их зимой из-под снега никто не вытаскивал, а теперь они вон как развонялись. Теперь развалку будут рас-чи-щать».

Так что развалка кончилась, и мы теперь должны перейти на другое МЕСТО.

«Тебе там понравится, – уговаривал меня папа. – Это деревня такая – Дерibasовка называется. Там корова есть, и курочки, и огород. Я буду работать на огороде, а ты будешь мне помогать».

Ладно, уже! Я согласилась.

Вечером Тася переведет папу в Дерibasовку.

А я останусь с Эмилькой.

До завтра, до утра.

Я уже совсем собралась плакать, а папа снова стал меня уговаривать: *«Ну же, не плачь. Завтра утром Тася тебя заберет. Помни. Завтра утром. Я буду тебя ждать в Дерibasовке, и мы с тобой сделаем из бумаги змея. С большим хвостом. Хорошо?»*

Папа уже одет – в ватнике и в шапке с ушами.

Он берет меня на руки и подсаживает на антресоли, а сам машет рукой Эмильке и идет к двери. Тася за ним.

«Смотрите же, – говорит она Эмильке, – закройте хорошенько дверь и придвиньте комод».

Эмилька сердится: *«А то я не знаю!»*

Ушли. Эмилька крестит за ними воздух. Вздыхает.

Кутается в свой драный халат и шаркает в свою комнату.

Я знаю, сейчас она заберется на свою кровать с бомбочками, возьмет свою любимую маленькую книжечку – МОЛИТ-ВЕНИК называется, и будет долго читать в ней шепотом.

Потом она потушит коптилку.

И наступит ночь...

От Ролли: Листок из молитвенника

Одесса, ночь с 17 на 18 марта 1942 г. Развалка на Софиевской 153 дня и ночи под страхом смерти

«Не трогайте меня! Не тро-гай-те ме-ня!»

«Ах ты сука! Ах ты старая сука!»

Что это? Кто это?

Нужно проснуться. Открываю глаза.

Темно. Я на антресолях. А внизу шум какой-то и крик.

Вспоминаю. Папа ушел вчера вечером вместе с Тасей на другое МЕСТО. А я должна сидеть здесь на антресолях тихо-тихо и ждать Тасю – утром она меня заберет и ответит к папе...

Внизу все еще кто-то кричит и ругается.

Поднимаюсь тихонечко, становлюсь на коленки и заглядываю в щелочку в стене, там, где штукатурка от бомбежки отвалилась.

Отсюда, сверху, мне вся Эмилькина комната видна.

Там светло. Горит коптилка, и дядьки чужие какие-то вокруг стола бегают – ловят Эмильку. В «салки» они, что ли, играют? Два дядьки? Или даже три?

«Куда дела, стерва? Куда де-ла?» — это они на Эмильку ругаются.

«Нет у меня ничего! Ни-че-го не-ту! Забрали. Ушли. Унес-ли-и!» — это Эмилька визжит.

Ой-ой, что-то, кажется, стукнуло здесь внизу, на кухне.

Кто-то, кажется, сюда на кухню зашел.

Светит фонариком.

Я залезаю поглубже в антресоли, под самую стеночку.

Сижу. Не плачу. И даже в щелочку не заглядываю, а то штукатурка сыплется и шуршит.

Вот снова трах-х...

Это, наверное, табуретка упала, и что-то дзинькнуло и разбилось.

Ох, как Тася будет сердиться!

Она всегда сердится, когда я разбиваю.

Ну вот, фонарик погас. Наверное, этот кто-то вышел из кухни.

Встаю на коленки и снова заглядываю в щелочку.

Эмилька уже не бегают и не визжит

Лежит на полу и громко так акает: *«А-а-ааа...»*

А дядька, который раньше в «салки» с нею играл, теперь сел на нее прямо верхом и скачет, как на лошадке.

Я смотрю и смотрю на Эмильку, и вижу: тяжело ей, наверное, возить дядьку этого. Вот она даже акать перестала и свой МОЛИТ-ВЕНИК из рук выпустила, и он валяется рядом с ней на полу.

Но дядьке, кажется, надоело скакать. Он слез с Эмильки и стал штаны свои зеленые подтягивать. И те два, другие, тоже, кажется, куда-то торопятся. Бегают по комнате, собирают вещи разные, завязывают их в простыню.

Ого-го, какой огромный узел получился!

«Ну все... Пошли... Поехали... Рвем когти...»

Уходят. Тащат свой узел.

А тот, который на Эмильке скакал, еще наклоняется к ней и тыкает сапогом.

«Старухе хана...» — говорит.

Ушли...
И вдруг так тихо везде стало, что даже страшно и плакать хочется.
А тут еще Эмилька!
Заснула она, что ли, там на полу?
Лежит в своем драном халате и даже МОЛИТ-ВЕНИК не поднимает.
А он совсем уже растрепался. Один листок его даже отдельно валяется, и даже черный уже стал. От лужи, наверное, которая растекается под Эмилькой.
Я смотрю и смотрю, и свет от коптилки расплывается у меня в глазах...

От Ролли: Так я стала «ВАЛЯ»

*Одесса, утро 18 марта 1942 г. Развалка на
Софиевской 154 дня и ночи под страхом смерти*

«Ро-лл-и! Ро-лл-и! Ро-лл-и-и!»
Это, конечно, Тася уже прискакала меня забирать.
Но чего она, интересно, так орет?
Она что, забыла, что я здесь на антресолях сплю?
Становлюсь на четвереньки. Подлезаю к дырке.
Высовываю голову.
Вижу Тасю. Бегаёт, как угорелая, по всей кухне и орет.
Ну вот, увидела меня. Остановилась, а потом к-а-а-к прыгнет...
Схватила меня руками и тащит с антресолей вниз.
Больно...
Ну вот, я даже коленку ободрала и плакать начала.
А она ничего, не ругается, только шепотом так меня уговаривает:
*«Тише, Роллинька, тише. Давай побыстренько одевайся. Нам нужно бежать отсюда.
Бежать...»*
Натягивает на меня всякие вещи, тащит меня в коридор, оттуда на лестницу, да так быстро, что дверь в квартиру Эмильки остается открытой.
«Тася! – кричу я. – Дверь! Мы не закрыли дверь!»
«Хорошо, хорошо, – говорит, – потом, потом...»
Мы выскакиваем из развалки и бежим дальше по улице.
«А ночью?» — спрашивает Тася.
«Что ночью?» — не понимаю я.
«Ты ночью была на антресолях?»
«А где же? – снова не понимаю я. – Я же сплю там, на антресолях.»
«Это счастье, что... что ночью ты была на антресолях», – говорит Тася и, кажется, тоже начинает плакать.
В Дерibasовке у калитки нас ждет папа.
«Что так долго?» — спрашивает и берет меня на руки.
«Потом», – говорит Тася.
И добавляет: *«Ее убили. Сегодня ночью ее убили.»*
Папа споткнулся о камешек на дорожке так сильно, что чуть меня не выронил.
«Господи! – говорит. – А ребенок?»
«На антресолях», – отвечает Тася.
Я понимаю. Ее убили. Эмильку убили совсем.
Это когда тот дядька на ней скакал. Я видела.

Мы идем по дорожке к дому, а навстречу нам две незнакомые тетки.

Одна прямая, как палка, и вся коричневая, а другая – низенькая, круглая и вся красная, как яблоко.

«Сколько лет *pp-ебенку?*» — каркает Палка.

«*Это девочка*, – отвечает Тася и почему-то противно так улыбается. – *Ей скоро будет шесть*».

«*Холосая девочка*, – пищит Яблоко. – *А как зовут?*»

Тася кашляет громко так, «*кхы-кхы*», как будто муха ей в рот залетела, и говорит: «*Девочку зовут... ВАЛЯ*».

«*ВА-ЛЯ???* Почему *ВА-ЛЯ???* Меня зовут *РО-ЛЛ-И!*» — хотела я закричать.

Но не закричала.

Потому что папа ка-те-горически запретил мне кричать.

Он давно уже мне все объяснил – мы евреи. И поэтому мне нельзя кричать. Я должна молчать. Всегда. Молчать и все.

Я молчу и сержусь, конечно, очень-очень сержусь, не нравится мне это новое дурацкое имя.

А вот теткам, кажется, нравится.

«*Холосое имя*, – пищит Яблоко, – *насе!*»

«*Хо-pp-ошее имя, pp-усское*», – каркает Палка.

Так я стала ВАЛЯ.

Вечером на веранде папа клеит мне змея из бумаги и все время называет меня «ВАЛЯ».

Но я не хочу быть «Валя»!

Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Я хочу быть, как раньше, как всегда.

Я хочу быть «Ролли».

И змея с хвостом я тоже не хочу.

Я хочу мою куклу с чернильным носом, ту, что Тася сделала мне из тряпочек, когда нас гнали тогда в Тюрьму.

Я забыла ее, мою куклу, на антресолях в развалке на Софиевской, там, где лежит на полу Эмилька. В черной луже...

Событие второе: «Христос воскрес!»

Одесса, апрель 1942 г. 167 дней и ночей под страхом смерти

Пасху 1942-го в Одессе праздновали с размахом.

Это была первая Пасха в «освобожденном от большевиков-безбожников» городе, и все жители Одессы, старые и молодые, с готовностью окунулись в давно забытую или же никогда не испытанную атмосферу «пасхальной радости».

Уже накануне праздника, в Пасхальную ночь, город наполнился торжественным звоном колоколов, и принаряженные одесситы целыми семьями потянулись на Пушкинскую в наскоро отремонтированную Свято-Ильинскую церковь.

Все в эту ночь там было необычно и празднично – и свет разноцветных пасхальных свечей, и запах ладана, и запахнутые Царские врата, и ослепительно белая ряса священника, и сакраментальные слова молитвы: *«Христос воскрес из мертвых смерть поправ и суицим во гробех живот даровав...»*

А после полуночи, когда закончилось богослужение, в бархатной темноте улиц зажглись, замелькали тысячи огоньков – это возвращавшиеся из церкви несли домой в бумажных фонариках Благодатный огонь. Как будто бы тысячи звезд неведомо как спустились с небес на землю и теперь уже здесь, на земле, ведут свой вечный волшебный хоровод.

И люди с фонариками тоже как будто участвуют в этом волшебстве.

Незнакомые, они радостно приветствуют друг друга: «Христос воскрес!» и троекратно, по русскому обычаю, целуются.

Всю эту ночь одесситы провели на улицах – работали все рестораны и все бodeги, и люди, впервые за многие годы, имели возможность полакомиться пасхальными куличами. Пекли куличи и одесские хозяйки, хотя у многих давно уже не было необходимых форм, да и рецепты за годы советской власти были утеряны.

А назавтра, в Светлое Воскресенье, многие поспешили выполнить свой «христианский долг». Лучшим местом для этого был, естественно, сиротский дом. И новоявленные «благотворители», со слезами умиления от «щедрости своей души», гладили «бедных сирот» по завшивленным головам и совали в их голодные рты куски кулича.

Кулич был, наверное, вкусным, и дети ели его с удовольствием.

Только...

Только не можем мы здесь не вспомнить о других детях – о наших друзьях, грязных, оборванных, голодных, которых, как диких зверушек, все еще отлавливают по развалкам.

По отношению к ним никто не пытался выполнить свой «христианский долг» и никто не проявил милосердия.

Но... сегодня Пасха, и в Одессе праздник!

«Одесская газета» вышла в праздничном оформлении со стихами и «пасхальными мыслями», в которых так или иначе вспоминалось и «Иудино племя» – жида, распявшие «нашего» Иисуса Христа.

Много «пасхальных подарков» получила Одесса.

В Пасхальную ночь даже был отменен комендантский час, и именно это дало возможность почувствовать атмосферу праздника.

Но самым дорогим подарком был приезд великого маршала Иона Антонеску.

Да-да, сам великий маршал рискнул своей драгоценной жизнью...

Правда, это историческое событие произошло только через пять месяцев после «захвата крепости» и только после того, как был наконец пойман «опасный преступник» Молод-

цов-Бадаев. И только после того, как город был полностью очищен от всех, еще более «опасных преступников» – жидов.

За три дня до Светлого праздника, 2 апреля 1942 года, в 8 часов и 30 минут утра, поезд маршала медленно вплыл в одесский вокзал, выпустил белый пар и остановился у покрытого красным ковром перрона.

В дверях одного из вагонов появился маршал.

И в ту же минуту выстроенный на перроне военный оркестр грянул... и началось «цирк-овое представление».

И снова, как несколько дней назад при встрече РЕВИЗОРА, в этом «цирке» участвовали «все»: и губернатор Алексяну с огромной свитой, и примарь Пыньтя с хлебом-солью, и офицеры гестапо с черепами на черных фуражках, и уже упомянутый военный оркестр с гимном Великой Румынии...

Так что «цирк» продолжался долго, но наконец он закончился, и вся свора втиснулась в ожидавшие их на привокзальной площади авто и отправилась в Воронцовский дворец, то бишь в резиденцию губернатора Транснистрии.

Антонеску пробыл в Одессе только несколько часов, видимо, этот опасный город все еще пугал «храброго солдата».

Уже в 14:10 после роскошного обеда в гостинице «Бристоль» он отбыл в Симферополь. Говорят, торопился в Крым, где в те жаркие дни сражалась его «доблестная армия».

Но центр города он все-таки осмотрел, заглянул в городской муниципалитет на Думской площади, бросил взгляд на разрушенный порт и к 11 часам прибыл в Оперный театр, где специально для него в неурочное время была представлена все та же «Царская невеста», которой несколько дней назад «наслаждался» группенфюрер Штуккардт.

«Красная Собака» в нашем Оперном театре!

Нет, это, как говорят у нас в Одессе, «надо было видеть»!

Огромный, совершенно пустой зал, все люстры зажжены, и в сверкающей золотом Царской ложе едва заметен маленький и даже какой-то жалкий зеленоватый и лысоватый человек – великий маршал Ион Антонеску.

Говорят, что опера Антонеску понравилась, и он даже якобы несколько раз хлопнул в ладоши, но до конца все-таки не досидел. Опера длинная, более трех часов, а Антонеску спешил – его ожидало еще одно ни с чем не сравнимое «зрелище».

Как рассказывал нам отец Валентины, проведший много месяцев в тюрьме «Куртя-Марцилэ», Антонеску во время первого своего визита в Одессу посетил это чудовищное заведение и имел «удовольствие» лицезреть заключенного там «опасного преступника» Молодцова-Бадаева. Правда, в эти минуты «преступник» был прочно закован в кандалы и окружен кольцом полицейских.

Меры безопасности, принятые для сохранения жизни Антонеску в Одессе, не ограничивались присутствием огромного числа полицейских.

Прежде всего, приезд маршала тщательно скрывался.

Так, одесситы узнали об этом «историческом событии» только 5 апреля, когда вышел праздничный номер «Одесской газеты» и в нем совершенно сенсационное сообщение о «пребывании в Одессе руководителя Румынского государства, маршала Иона Антонеску».

И можно только представить, какое впечатление произвела эта сенсация на Привоз, сколько было разговоров, предположений и даже надежд.

Вот теперь-то все у нас пойдет по-другому!

Вот теперь-то у нас начнется настоящая жизнь!

В чем должна она заключаться, эта «настоящая жизнь», не уточнялось.

Но, видимо, в ней, «по-любому», должно было быть еще больше жратвы, больше бабла, бодег и комиссионных магазинов...

Ох уж эти комиссионные магазины, переполненные награбленным еврейским добром, они могут служить позорным символом «Города Антонеску». В том самом праздничном номере «Одесской газеты», который вышел 5 апреля, в рубрике «Обо всем» некто под псевдонимом «Скорпион» поместил юмореску, посвященную как раз комиссионным магазинам:

«Еще немного, и кажется, что всякий уважающий себя одессит обзаведется комиссионным магазином. И вот тогда пойдет торговля!

У одного в комиссионном будет кофейная чашка, у другого блюдо, у третьего – ложечка и т. д. В одном магазине – левая штанина брюк, в другом – правая...»

Все это было бы, наверное, смешно, если бы не было так ужасно.

Если бы не было еще одним мерзким свидетельством трагедии, постигшей евреев Одессы.

В эти пасхальные дни комиссионные магазины были полны, как никогда.

Кто-то, действительно, искал кофейную чашечку, недостающую к его недавно «приобретенному» китайскому сервизу, кто-то, несмотря на грядущее лето, спешил купить для своей любовницы каракулевую шубу, а кто-то, наоборот, желал продать ненужную ему вазу, не зная, что это редкий, привезенный в прошлом веке из Дрездена экземпляр и что ему нет цены.

Одесса празднует Пасху...

Но до Дерибасовки, где после бегства из развалки на Софиевской пряталась Ролли с родителями, вся эта праздничная суета не достигает.

Тетки, Арнаутова и Федоренко, в церковь так и не собрались – далековато, да, вроде бы, и ни к чему. А вот куличи печь как раз хотели, но формочек подходящих у них не было, и тетка Арнаутова, не стесняясь Ролли, ругала себя матом, что вот она, «старая б...», наслушалась большевистской «брехни» и все свои шикарные... еще царского времени!.. формочки выбросила на помойку.

Один кулич она все-таки испекла, использовав для этого старую закопченную кастрюлю. Но получился он, надо сказать, непрезентабельный – распластанный какой-то и подгоревший.

Кулич поставили остывать на веранде, и Ролли, по ее словам, «видела его своими собственными глазами» и он был «очень-очень похож на... тетку Федоренко».

А вот на Колкотовой Балке, где скрывался Янкале с мамой и бабушкой, куличи вышли на славу. И вообще, здесь, в Транснистрии, в этом 1942-м, праздник Пасхи был каким-то особенным.

Впервые за много лет в Пасхальную ночь зазвонили колокола тираспольской церкви, в которой «при Советах» хранились овощи. Теперь церковь привели в порядок, покрасили, побелили и нового настоятеля назначили – уездного протоиерея отца Веспасиана Балаховского.

И к этой, возродившейся из праха, церкви в Великую Субботу потянулись жители всех окрестных сел. Мужики в свежeweыстиранных рубахах и бабы, тоже принаряженные, с беленькими узелками, в которых бережно хранились приготовленные для освящения крашеные яйца и кулич.

Церковь не могла вместить всех собравшихся, и опоздавшие расположились за оградой, возле подвод. Но и здесь слышны были песнопения и сохранялась удивительная атмосфера Пасхальной ночи.

Люди возбуждены.

Многие по случаю праздника с утра пьяны, и у всех на устах чудесное воскресение Иисуса Христа и предшествовавшая этому воскресению мученическая смерть его на Голгофе. Не без того, что и виновники этой смерти – «Иудино племя» – упоминались.

Нет-нет, еврейским погромом не пахло, просто, наверное, потому, что евреев там не было.

Да и откуда, скажите на милость, им взяться?

Но, глядя на эту возбужденную толпу, становится понятно, почему большинство еврейских погромов происходило на Пасху, и, если бы здесь неведомо как появился еврей или кто-нибудь просто похожий на еврея, его тут же, наверное, разорвали бы на куски.

Несколько переполненных подвод прикатили сюда и из Колкотовой Балки.

Мужики протиснулись в церковь, а бабы и дети остались в окружавшей ее толпе. Среди них и Нина Шесточенко с семьей и... Фаничка с Янкале.

Бабушку Слуву, сославшись на ее нездоровье, им удалось оставить в селе. Для Слувы, верующей еврейки, эта ночная поездка в православную церковь была бы, наверное, особенно мучительной.

Ну, а у Фанички выбора не было. Чтобы не вызвать подозрений, она вынуждена была поехать и взять с собой Янкале. В церковь они, естественно, протискиваться не стали, а присоединились к группке стоящих в сторонке женщин, и мать строго предупредила Янкале внимательно следить за тем, что делают и говорят окружающие.

В эти дни они уже не жили у Шесточенков.

Столь долгое пребывание целой чужой семьи в их небольшой хате выглядело подозрительно. Легенда о поисках мужа Фанички, попавшего якобы в плен где-то в этих краях, уже никого не могла обмануть, и по селу пошли какие-то смутные разговоры.

Все это было очень опасно.

Тем более что именно в это время по всей Транснистрии румыны начали вылавливать евреев, «просочившихся», по их словам, из Одессы.

Эта, выходящая из ряда вон по своей жестокости, акция была результатом рапорта, полученного губернатором Александру в конце января от генерала Дискулеску, ответственного за связь между 4-й румынской армией и гражданской властью Транснистрии.

ИЗ РАПОРТА ГЕНЕРАЛА ДИСКУЛЕСКУ

После публикации Приказа № 35 многие жиды, в страхе перед отправкой в гетто, бежали из Одессы и с помощью украинских крестьян, перевозивших их в своих повозках, просочились в села Транснистрии...

Прошу Вас дать приказ жандармерии тщательно прочесать села и выловить всех бежавших из Одессы жидов.

Следует относиться к этим жидам, как к шпионам... и обращаться с ними соответственно... [Одесский архив, п. 2241—1-4486, с. 96, Перевод наш. – Авт.]

Слова «обращаться соответственно» в данном случае означали расстрел...

Жандармы начали прочесывать села.

Прошли они и через Колкотовую Балку, и только Богу одному известно, почему обошли стороной хату Шесточенко. Случайно ли это получилось, или сельский примарь, зная наверняка, где скрывается еврейская семья и не желая смертоубийства, провел жандармов окольным путем.

Облава продолжалась долго и закончилась, фактически, ничем – евреев в селе не нашли.

О том, что пережила за время облавы Фаничка и что пережили Янкале и бабушка Слува, мы говорить не будем.

Скажем только, что Нина Шесточенко, как видно, наконец уразумела, что играет с огнем, что жандармы могут вернуться и обнаружить в их доме скрывающихся евреев, и приняла решение найти для своих «дорогих гостей» другое пристанище.

За мизерную плату она наняла для них комнатушку в доме, где проживала одинокая старуха по имени Сидоровна. В тот же день они и переехали, то есть, на самом деле, перешли. Вещей никаких у них не было, и Нина – добрая душа, снабдила их какой-никакой посудой и постельными принадлежностями.

Так начался для них новый, не менее опасный, период жизни в «подполье».

Здесь, у Сидоровны, им приходилось опасаться и самой, излишне любопытной, Сидоровны, и забегавших к ней частенько не менее любопытных соседок, и возможного визита жандармов. Но главной опасностью были, как ни странно, местные мальчишки.

С наступлением весны уже невозможно было держать Янкале в доме.

Чтобы не вызывать подозрений, он должен был не отличаться от местных мальчишек – бегать босым вместе с ними на речку Гапчучка, воровать морковку на чужих огородах, ловить певчих птиц и, вообще, заниматься обычными делами не посещающих школу беспризорников.

Как с этим всем мог справиться Янкале?

Воспитанный мамой и бабушкой, одесский ребенок, бывший ученик музыкальной школы Столярского?

Как мог найти он общий язык с мальчишками, не зная их местного языка?

Как мог он скрыть от их любопытных глаз свое еврейство?

Тем более что эти мальчишки, умудренные «опытом» войны, уже хорошо знают, кто такие «жиды», и даже, наверное, сами видели, как в первые дни оккупации здесь на Колкотовой Балке, на берегу той самой Гапчучки, расстреливали пригнанных из Тирасполя евреев.

Но выхода не было. Чтобы остаться в живых, им, всем троим, и Янкале в особенности, нужно было, как разведчикам-нелегалам, «вживаться» в роль, «внедряться» в местную жизнь, с той только разницей, что разведчиков-нелегалов обычно готовят к этой нелегкой миссии, обеспечивают «легендой», явками, деньгами. С той только разницей, что за разведчиками-нелегалами обычно следят их «кураторы» и, в случае опасности, помогают скрыться.

У них, как мы знаем, не было ничего – ни знаний, ни опыта, ни «легенды».

Все, что им оставалось – это положиться на Господа Бога и жить в постоянном, не оставляющем ни на минуту страхе.

Этот страх и заставил Фаничку отправиться вместе с Янкале в Тирасполь и провести всю эту Пасхальную ночь у ограды церкви в гуще пьяной толпы, способной в своем религиозном экстазе растерзать любого, похожего на еврея человека, виновного, с их точки зрения, в распятии их Иисуса Христа.

От Янкале: Тетя Нина

Колкотовая Балка, утро 18 января 1942 г., воскресенье Хата Шесточенков 96 дней и ночей под страхом смерти

На следующее утро дяденька, у которого мы ночевали, отвез нас к Шесточенкам.

Мы проехали на санях через все село, остановились у какой-то хаты и вылезли из саней. Дяденька стукнул кнутом по двери. Дверь отворилась, и мы увидели на пороге молодую женщину.

Дяденька поздоровался с ней и сказал: «Нина, я привез вам гостей на Крещенье».

Женщина почему-то обрадовалась: «Ой, спасибо вам, дядьку!» и крикнула кому-то: «Миша, к нам гости!».

Мы зашли в дом.

Тетя Нина приняла нас, как дорогих гостей.

«Раздевайтесь, садитесь за стол. Праздник сегодня у нас – Крещенье. Вот, разговляемся после поста. Муж мой – Миша, – указала она на мужика, сидящего за столом, – и дочери – Любаша и Дидя».

На столе давно не виданная нами еда: горячая мамалыга, брынза, лук, нарезанный ломтиками, соленые огурцы. Тетя Нина накладывает нам на большие тарелки мамалыгу, добавляет

брынзу и одновременно ведет разговор с мамой: *«Как живет там моя сестра с дочкой? Давно они у нас не были».*

«Ваша сестра просила передать вам привет, она собирается к вам весной».

«Цэ добрэ», – вступает в разговор ее муж.

Я потом привыкну к этому мужику и стану называть его «дядя Миша».

Он добрый и, кажется, любит детей, но пока я стараюсь на него не смотреть – у него почему-то весь рот перекошен и глаза навывкате с красными прожилками, непонятно куда-то смотрят...

Дядя Миша достает бутылку самогона, и мутная жидкость булькает в стаканы.

«Миша, что это ты с утра пораньше?» — пытается остановить его тетя Нина.

«Дык, Ниночка, в нас же гости. Слава богу, опохмелиться нэ грэх», – оправдывается дядя Миша.

«Давайтэ по махонькой», – обращается он к маме, – *«За прятнэ знайомство и с празником!»*

А мы и не знали, что сегодня праздник!

Но мама не подает вида, отвечает ему: *«С празником!»*

Тетя Нина с любопытством смотрит на нас: *«А мальчик у вас большой, сколько ему?»*

«Одиннадцать», – говорит мама.

«А нашей Любаше десять, а Диде только пять», – хвастается дядя Миша.

Любаша рыжая-рыжая, вся в веснушках, и косички-хвостики торчат.

«Чого ты, Любаша, стесняешься?» – обращается к ней отец. – *«Дывысь, який жених!»*.

Все громко смеются. А мне не смешно. Любаша мне не нравится.

Мне нравится совсем другая девочка – Леночка из нашего класса, отличница, с черными кудряшками. Леночка, правда, дружить со мной не хочет. Она дружит с Петькой – он тоже отличник, а я так себе, «хорошист».

Любаша не похожа на Леночку, а теперь, когда стали про жениха говорить, она еще даже вся красная стала.

Миша, наверное, это заметил, оставил ее в покое и перешел на Дидю: *«Дидя, а тебе нравится мальчик?»*

Дидю на самом деле зовут Лидой. А Дидя – просто потому, что она сама себя так называет – не выговаривает букву «Л».

Дидя смотрит на меня, улыбается, размазывает мамалыгу по лицу.

Дидя мне нравится, но мамалыга больше. Тетя Нина, наверное, понимает это, и накладывает мне в тарелку еще и еще, и снова начинает расспрашивать маму. Как попали из Кишинева в Одессу? Где познакомились с сестрой? Зачем приехали в Колкотовую Балку?

И мама снова должна выдумывать, что мой папа, которого в ту страшную ночь расстреляли на Дальнике, находится где-то здесь под Тирасполем в плену и что с сестрой ее они встретились случайно, но очень понравились друг другу...

«Ну что ж, – будто что-то решив, говорит в конце концов Нина. – Живите у нас сколько надо. В тесноте, да не в обиде».

От Янкале: Сидоровна

Колкотовая Балка, март 1942 г. Дом Сидоровны

Мы прожили у Шесточенков всю зиму. Все они, и дядя Миша, и девочки, и тетя Нина относились к нам, как к родственникам.

Так они и соседям объясняли: «Родственники погостить приехали».

Тетя Нина очень привязалась к маме, и они часто по вечерам, когда вся домашняя работа была сделана, о чем-то тихо разговаривали.

Но когда наступила весна и начал таять снег, что-то как будто бы изменилось. Тетя Нина начала нервничать, без особой причины кричать на девчонок, пугаться каждого стука в дверь. Это, как мне кажется, произошло после облавы, когда жандармы рыскали по селу, а мы сидели, закрывшись в задней комнате.

Нам, наверное, нужно было уже уходить от Шесточенков.

И вскоре тетя Нина действительно подыскала нам новое жилье – на той же улице, в доме, принадлежащем какому-то Бондаренко.

Бондаренко с семьей жил в Тирасполе, а за домом присматривала старушка, которую все звали Сидоровной. С разрешения Бондаренко она согласилась сдать нам комнату. Так мы начали самостоятельную жизнь, выдавая себя за русскую семью, родом из Кишинева, приехавшую из Одессы.

Вокруг нас теперь было много соседей – русских, украинцев, молдаван.

Мы очень отличались от них – пищей, одеждой, языком. Это было очень опасно, и нужно было всегда быть настороже.

Я должен был забыть свою фамилию «Верховский» и помнить, что моя фамилия «Лукован». Я должен был забыть имена мамы и бабушки. Забыть, что мой папа остался там, в Одессе, на Дальнике.

Забыть... Забыть... Забыть...

И самое главное, говорила мне мама, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах никто не должен видеть меня со спущенными штанами.

Иначе они сразу узнают, что я еврей...

Все заботы лежали на маминых плечах. Нам нужны были деньги на еду, на оплату комнаты. Мама искала выход и часто уходила куда-то.

Мы с бабушкой подолгу оставались одни и общались, в основном, с Сидоровной. Это была грузная, но очень проворная старушка, которой «до всего было дело». Все ей нужно было знать, везде она совала свой нос.

Сидоровна трудилась с утра до вечера, у нее были куры, гуси, поросенок и большой огород. Жила она одна. С нами ей было, наверное, веселей, да и продукты какие-то бабушка у нее покупала.

Однако ее любопытство досаждало нам и пугало.

Однажды, сидя в кухне на табуретке и заталкивая бедному гусю в горло зернышки кукурузы, Сидоровна заметила, что бабушка, варившая суп, бросила в кастрюлю луковицу. Она очень удивилась и спросила: *«Шо цэ вы суп по-жидивськи варытэ? Цэ тильки жиды в суп цибулю кладут!»*

Бабушка, правда, не растерялась и сумела оправдаться: *«Та голова плоха стала – забула, що це нэ борці»*.

Но Сидоровна, видно, все-таки что-то поняла и ехидно улыбнулась.

Когда наступило время праздников, наша хозяйка попросила соседа заколоть поросенка, которого она, как и гуся, откармливала к Пасхе. Как сосед выполнил это, я, к счастью, не видел. Но потом мертвого поросенка положили посреди двора, обложили хворостом и стали «шмалить». Запахло жареным.

Вокруг собрались соседские дети.

Всем им дали по кусочку поросенка – кому ухо, кому хвост.

Один какой-то кусочек дали и мне.

Отказаться было неудобно, и я стал его грызть.

Никогда я такого не пробовал, и, по правде сказать, это было вкусно.

Но в дверях дома стояла моя бабушка и молча смотрела на то, как ее, верующей еврейки, внук ест свиное ухо.

От Янкале: Пасхальная ночь

Тирасполь, ночь с 4 на 5 апреля 1942 г. 171 день и ночь под страхом смерти

Наступила Пасха.

Все соседи пекли куличи. Они получались высокие, с коричневой корочкой, напоминающей шляпку, и вкусно пахли.

Сидоровна тоже пекла куличи и яйца в разные цвета красила.

Мы, конечно, ничего такого не делали – не знали даже, как это следует делать.

Неожиданно нас выручила Сидоровна.

«*Як що схочитэ, то я и для вас кулич спеку*», – предложила она.

Мама согласилась.

Накануне праздника к нам пришла тетя Нина и пригласила поехать с ними в Тирасполь в церковь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.